

С ТОГО СВЕТА

С ТОГО СВЕТА

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ
СКАЗКИ
НАРОДОВ СССР

ХАРЬКОВСКОЕ КНИЖНОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
1959

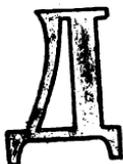
Составитель В. Н. Кнейчер

Художник Е. И. Любимов

АНТИРЕЛИГИОЗНЫЕ МОТИВЫ НАРОДНОЙ ПОЭЗИИ

«Религия есть опиум,— это изречение Маркса есть краеугольный камень всего миросозердания марксизма в вопросе о религии. Все современные религии и церкви, все и всяческие религиозные организации марксизм рассматривает всегда, как органы буржуазной реакции, служащие защите эксплуатации и одурманению рабочего класса».

(В. И. Ленин, «Об отношении рабочей партии к религии»).

Дальнейшие успехи строительства коммунизма в нашей стране неразрывно связаны с повышением идейно-теоретического и культурного уровня трудящихся, с освобождением их сознания от пережитков капиталистического прошлого, от религиозных представлений и предрассудков.

Религия в классовом обществе на протяжении всей своей истории была и остается враждебной трудящимся массам. Религия — это идеология эксплуататоров. Именем бога цари и капиталисты всегда оправдывали свое господство и роскошь, нищету и бесправие трудящихся. Огнем и мечом, «словом божьим» боролись буржуазные классы за свою власть. Вот почему Владимир Ильич Ленин и говорил о том, что буржуазное государство неизменно нуждается в функциях попа и палача. И бог всегда верно служил своим хозяевам.

От имени бога церковники призывали трудящихся не роптать и не восставать против царя и хозяев. Бог, учили они, создал одних рабами, а других хозяевами. Служители церкви, прикрываясь «мудростью» ими же созданного евангелия, внушали людям безволие, пассивность, примирение со своим подневольным положением, с невыносимыми условиями жизни. Человек, в их устах, это приниженное существо, это — «червь земной», «раб божий», «тварь божья». Он должен терпеть, ибо «бог терпел и нам велел».

Всё, проповедовали церковники, совершается в мире по воле бога. Если в условиях капитализма рабочий и его дети страдают на этом свете, если они не имеют свободы и пищи, обречены на безработицу и темноту,— всё равно: «терпи — и да воздастся тебе на том свете...».

По церковной морали, унижающей простого человека, верующий не должен «мудрствовать лукаво», думать о сложных вопросах бытия, стремиться постичь истину, обогатить свои знания, узнать новое в науке. Темнота — вот удел верующих, ибо, говорится в евангелии, «блаженны нищие духом».

Христианская религия изрекает такие «истины»: «мудрость мира — это есть безумие перед богом», «погублю мудрость мудрецов и ум разумных отброшу». Иудейская религия учит: «неизвестного тебе не ищи, скрытого не исследуй» (талмуд). Попы учили: «ты богу угоди, а сам думай погоди».

Много вреда приносила и приносит церковная проповедь национальной нетерпимости. Она открыто направлена против одного из важнейших принципов нашего социалистического общества — дружбы народов. Религия разъединяет людей, поощряет ненависть одной нации к другой, благословляет преследование людей другой веры. Мусульманская религия называет всех людей другой веры «гяурами» — нечестивыми. В библии, которая при-

нята как священная книга у христиан и у иудеев, заключена, например, такая мораль: «Если найдется среди тебя... мужчина и женщина, что станет служить иным богам... то выведи мужчину того или женщину, которые сделали зло сие... и побей камнями».

Рьяными поборниками религии выступают американские капиталисты. Представители правящих кругов США всегда начинают и заканчивают свои выступления обращением к богу, к его милосердию и святости. Но ведь это они же именем бога приказывают убивать тысячи трудящихся во всем мире, обрушивают на верующих и неверующих тонны смертоносного свинца! В Америке, где особенно широко распространен католицизм — одна из наиболее реакционных религий последнего времени, расисты жестоко преследуют людей черной расы, безнаказанно убивают и вешают негрятянских рабочих и крестьян. Когда Трумен написал римскому папе о том, что хочет объединить все силы для борьбы с демократией и коммунизмом, то папа Пий XII ответил ему: «Ваше превосходительство найдет у римской церкви самую сердечную поддержку».

Духом унижения женщины, оскорблением ее насыщены так называемые священные книги — библия, коран, талмуд. Поддерживая эксплуататоров, религия проповедует неполноценность женщины, ее слепое подчинение мужу-господину. Оскорбляя человеческое достоинство женщины, религия именует ее «дьявольским сосудом», «нечистой силой», «исчадием ада».

В коране женщина именуется «рабой своего мужа», «собакой его хозяйства».

Иудейские раввины специально придумали молитву, по которой верующий должен ежедневно благодарить бога за то, что он не создал его женщиной.

Мулла учит верующих, что женщина — существо, недостойное внимания бога, что ее дыхание нечисто и

потому она должна закрывать лицо паранджой, чадрой или чичваном.

Жестокость религии по отношению к женщине превосходит все человеческие понятия. Так, например, папа римский Иннокентий VII требовал предания казни женщин, имеющих будто бы связь с «нечистой силой», и за несколько столетий в соответствии с папской буллой в Европе на кострах было сожжено до девяти миллионов ни в чем не повинных женщин!

Религия всегда связана с ханжеством и обманом трудящихся. Нельзя верить религиозному притворству президента Америки и фарисейству римского папы, как нельзя верить набожности капиталистов и помещиков. Они прикрываются именем бога для внедрения своей, враждебной народу, идеологии для того, чтобы подчинить себе трудовые массы народа. Буржуазия, призывая людей верить в бога, его милости и всемогущество, утверждая мысль о царствии небесном, сама верит и молится единственному богу — золоту, деньгам.

Великий пролетарский писатель А. М. Горький очень хорошо рассказал о набожном притворстве купцов России. В романе «Фома Гордеев» Горький описывает такую картину:

«Приехав на пароход во время молебна, Фома стал к сторонке и всю службу наблюдал за купцами. Они стояли в благоговейном молчании; лица их были благочестиво сосредоточены; молились они истово и усердно, глубоко вздыхая, низко кланяясь, умиленно возводя глаза к небу. А Фома смотрел то на того, то на другого и вспоминал то, что ему было известно о них.

Вот Луп Резников, — он начал карьеру содержателем публичного дома и разбогател как-то сразу. Говорят, он удушил одного из своих гостей, богатого сибиряка... Зубов в молодости занимался скупкой крестьянской пряжи. Дважды банкротился... Кононов, лет 20 назад, су-

дился за поджог, а теперь тоже состоит под следствием за растление малолетней. Вместе с ним — второй уже раз, по такому же обвинению — привлечен к делу и Захар Кириллов Робустов — толстый, низенький купец с круглым лицом и веселыми голубыми глазами... Среди этих людей нет почти ни одного, о котором Фоме не было бы известно чего-нибудь преступного...

«Притворяются!», — восклицал про себя Фома. А стоявший обок с ним горбатый и кривой Павлин Гушин, не так давно пустивший по миру детей своего полоумного брата, проникновенно шептал, глядя единственным глазом в тоскливое небо:

«Го-осподи! Да не яростию твоею обличиши мене, ниже гневом твоим накажеши мене...».

Для того чтобы держать в рабстве и покорности рабочий класс и крестьянство, царское самодержавие и капиталисты всеми средствами поддерживали религию, не жалели средств на содержание армии мракобесов. Так, в царской России в 1914 году насчитывалось около 80 тысяч православных церквей, свыше тысячи монастырей и 40 тысяч церковно-приходских школ.

Многочисленным народам России был закрыт доступ к образованию и просвещению. Они не имели своей письменности, своих культурно-просветительных учреждений, школ. В Белоруссии, например, в 1913 году на белорусском языке было издано всего... две книги, но зато населению была предоставлена широкая возможность посещать церкви, костелы, синагоги. В дореволюционной Белоруссии насчитывалось 3 тысячи церквей, 704 синагоги, 113 костелов, в которых служило 6 тысяч попов, раввинов и ксендзов. Целая армия носителей темноты и невежества! Один из представителей царского духовенства в Государственной думе в 1906 году прямо заявил, что «тюрки самый симпатичный народ, потому что у них нет своих газет, своей грамоты и своей интеллигенции».

Только после победы Великой Октябрьской социалистической революции трудящиеся нашей страны получили полную возможность учиться и на основе марксистско-ленинской науки правильно объяснять и понимать законы развития общества и природы. Советская власть и Коммунистическая партия поставили на службу нашему обществу всё достояние человеческого ума, обеспечили ему возможность сознательного отношения к фактам действительности, в которой нет и не может быть места религии и предрассудкам.

В нашей социалистической стране ликвидированы эксплуататорские классы, господствует общественная собственность, все трудящиеся объединены на основе общих интересов борьбы за коммунизм.

Изменился духовный облик советского человека: его отличают чувства коллективизма и интернационализма, творческое отношение к труду, пламенная любовь к своей социалистической Родине.

В нашей стране господствует социалистическая идеология, и большинство людей бесповоротно порвало с религией и суеверием. Однако среди некоторой части наших трудящихся еще живут пережитки буржуазной идеологии, религиозных представлений.

Приверженность к религиозным предрассудкам, принадлежность к сектам, вера в силу ворожей и знахарей — всё это приносит огромный вред обществу и самим заблуждающимся. Они обычно отходят от активной общественной жизни, пассивны, безразлично относятся к своей работе, к коллективу, поддаются под власть пороков. Отмечая различные церковные праздники или дни «святых»: рождество, пасху, троицын день, курбан-байрам и прочие, во время которых запрещается работать, эти люди пьянствуют, опускаются, наносят друг другу увечья, дезорганизуют работу производства.

Некоторые, попав во власть невежества и темноты,

заболев, обращаются не к врачам, а к шарлатанам — ворожеям и знахарям. Так, например, как зловещий призрак прошлого, встает некий Карпушок, проживающий в селе Лог, Воронежской области. Карпушок — это знахарь, которому местные жители, зная его как лядыря и обманщика, давно не верят. Но к нему приезжают за «исцелением» больные из дальних мест.

«Мне,— говорит он,— все болезни доступны: могу лечить от язвы желудка, от сглаза, от семейных раздоров, от нервной трясухи и прочих недугов...». Как же этот безграмотный, пьяный человек лечит? Он выводит болезни через икоту или чих, страшным голосом кричит: «Выходи болезнь» и размахивает вокруг больного большим ножом... Неудивительно, что, по определению односельчан, его лечение помогает, как «мертвому припарки».

Нельзя не упомянуть о невежественном молодом человеке Евгении Голубничем (Харьков), оказавшемся в плену суеверий. Заболев, он послушался бабушек, которые послали его лечиться к ворожее... Хитрая ворожея — молодая женщина Анастасия Татушенко,— видя, что к ней в руки попал суеверный человек, заставила его купить куриное яйцо, пошептала над ним и разбила о носок правого ботинка... За это «лечение» она забрала у своего пациента часы и деньги... Кстати, они, эти шарлатаны, пользующиеся доверчивостью некоторых людей, сами, при малейшей боли, обивают пороги больниц, врачей, не доверяя своему искусству врачевания...

Так как эти и подобные пережитки, учит нас Коммунистическая партия, не исчезнут сами по себе, то, естественно, нужно решительно выступить против религиозных предрассудков, организовать широкую научно-просветительную и агитационную пропаганду, в которой большое место может и должна занять наша народная поэзия.

Наш фольклор (народная поэзия), являясь выражением народного ума и сердца, может помочь советскому

человеку освободиться от пережитков прошлого, правильно постигать его.

В народной поэзии очень ярко отображена борьба трудящихся против своих притеснителей. Так, например, в былинах об Илье Муромце, созданных еще в X веке, этот наиболее популярный народный герой грозитя убить «собаку князя Владимира» и «сбить маковки церковные».

Народная поэзия — устное поэтическое творчество широких трудящихся масс — всегда, на протяжении всех эпох выражала и выражает народные думы и чаяния, являясь как бы историей народа, живой и художественной его летописью.

Выступая как одна из форм отражения действительности, общественного сознания, народная поэзия в ярких, увлекательных художественных образах раскрывает идеологию народа на различных этапах его исторического развития, охватывает все стороны его жизни — психологию, быт, трудовой опыт, его мораль и нравственные представления.

Зародившись еще в доклассовом обществе, народная поэзия затем, по образному определению А. М. Горького, неотрывно и своеобразно сопутствует истории народа, являясь важнейшей частью его культуры, резко и решительно направленной как против буржуазного искусства, так и против буржуазных правопорядков вообще.

Народная поэзия, вопреки утверждению буржуазных ученых, никогда не была только средством развлечения. Она всегда выражала стремление народа к освобождению от рабской зависимости, его стремление к свободе, к торжеству разума и света. Она вдохновляла людей на подвиги во имя справедливости, способствуя их победе в борьбе против класса эксплуататоров и их морали.

Пользуясь народной мудростью, метким словом, народные поэты жестоко высмеивали и разоблачали

господствующие классы, направляя острие своей сатиры против самодержавия и его верной опоры и служанки — религии.

Лучшие умы русского и других народов России всегда чувствовали свое неразрывное единство с народом, обращались к его поэзии и из нее черпали представления о желаниях и стремлениях народа, чтобы, в свою очередь, служить своему народу, поднимать и просвещать его.

На различных этапах исторического развития России Ломоносов и Радищев, Белинский, Некрасов и др. неустанно трудились на благо народа, стремясь раскрыть ему глаза на правду жизни, показать ему его подлинных врагов, помочь в борьбе с царем и религией. Так, великий русский мыслитель М. В. Ломоносов, борясь с религиозным идеализмом, за материалистическое объяснение явлений природы, разоблачал невежество попов и религии, их враждебность науке и народу. Он писал: «Невеждам попам физику толковать нет нужды... упрямых попов, кои хотят насильно крестить холодною водою, почитаю я палачами затем, что желают после родин и крестин вскоре похорон для своей корысти».

Характерно, что народ в своих пословицах тоже отразил эти функции духовенства, говоря: «Кому убыток, а попу доход: с живого и мертвого дерет», «Родись, крестись, женись, умирай — за всё попу деньги давай», «Кому мертвец, а попу товарец», «Людское горе попа кормит».

Русский писатель-революционер и мыслитель XVIII века А. Н. Радищев с большой силой разоблачал церковных мракобесов, их враждебность подлинной науке, без которой не может развиваться жизнь. Церковь он показал в виде страшной гидры, распространяющей обман и ложь.

И се чудовище ужасно,
Как гидра, сто имея глав...
Призраки, тьму повсюду сеет,

Обманывать и льстить умеет,
И слепо верить нам велит.

А. Н. Радищев убедительно показал, что самодержавие и религия неотделимы друг от друга, что царь поддерживает религию, а религия защищает царя для при-теснения народа. В оде «Вольность» он писал:

Власть царска веру охраняет,
Власть царску вера утверждает;
Союзно общество гнетут:
Одно сковать рассудок тщится,
Другое волю стерть стремится;
На пользу общую,— рекут.

Несомненно, что народ на собственном практическом опыте убедился в единстве этих двух враждебных ему сил и выразил это в многочисленных произведениях, в частности в пословицах: «Душа божья, голова царская, а спина барская», «Де той бог був, як пан бідноту в дугу гнув?», «За кого пан, за того и бог» и др.

Религия всегда была чужда народу. Возникнув вначале как результат бессилия человека в борьбе с непонятными, а потому страшными ему явлениями природы, от которых он зависел, религия была затем, в классовом обществе, использована в целях утверждения власти господ и помещиков, царя и духовенства.

Всеми средствами — при помощи насилия и проповедей власть имущие хотели привить народу религиозные представления, чтобы сковать его активность в общественной жизни и стремления к знанию.

Чтобы найти доступную форму воздействия на сознание народа, поповские фарисеи не останавливались даже перед подделкой под народную поэзию и в ее форме создавали много духовных стихов, притч, пословиц и поговорок. Так, они «учили»: «Сильную руку — бог судит», «Подумаешь — горе, раздумаешь — божья воля», «Где смерд подумал, там бог не был» и т. п.

Подлинная народная поэзия всегда была страшна господствующим классам. Еще в X веке служители церкви грозили сказителям и тем, кто их слушал, страшными карами на том свете.

С обострением классово-религиозной борьбы царизм усилил преследование народных поэтов, решительно запрещая распространение народной поэзии. Так, царь Алексей Михайлович разослал указ своим воеводам о запрещении исполнения народной поэзии и о суровых наказаниях для ее создателей. Духовная цензура всячески запрещала издания и публикацию народных произведений. В 1860 году граф А. П. Толстой писал министру народного просвещения: «По поводу изданной в Москве цензором Наумовым книги Афанасьева под заглавием «Народные русские легенды» высокопреосвященный митрополит Филарет обратился ко мне с письмом, в котором изъяснил, что в книге сей часто говорится о Христе и святых, и поэтому светская цензура должна была посоветоваться с духовной, но сего не сделала; что к имени Христа спасителя и святых в сей книге прибавлены сказки, оскорбляющие благочестивые чувства, нравственность и приличие, и что необходимо изыскивать средства к охранению религии и нравственности от подобного кощунства и поругания» (Афанасьев, «Народные русские сказки», изд. 3, М., 1897, том I, стр. XXII—XXIII).

Даже издавая иногда произведения народной поэзии о религии и ее служителях, представители светской и духовной цензуры прибегали к значительному сокращению и изменению содержания сказок и других видов народной поэзии. Так, например, в пушкинской сказке «О попе и работнике его Балде» поп был заменен купцом. Сборник Афанасьева «Заветные русские сказки», в который вошли преимущественно сказки о религии и полах, был запрещен к изданию и смог появиться только в Англии, да и то под завуалированным названием: «Остров Ва-

лаам», Типографским художеством монашествующей братии. Год мракобесия».

В сборнике И. И. Манжуры «Сказки, пословицы и т. п.» (Харьков, 1890) записанные в Екатеринославской и Харьковской губерниях рассказы о попах были оставлены, но слова «поп» и даже «дьякон» заменены буквами «п» и «д».

Преследования касались не только русской или украинской народной поэзии. Имеются многочисленные свидетельства, когда не только запрещали, но и физически уничтожали творцов народной поэзии ряда народов России. Так, когда узбекский народный поэт Султанмурад исполнял в присутствии ургутского бека поэму о народном герое Гор-оглы и назвал его, сына конюха, султаном, беск возмутился: «Как смеешь ты нищего Гор-оглы уподоблять султану!» и ударил его по губам.

Поэт Ислам-шаир рассказывает о том, как муллы покушались отравить его учителя-поэта за антирелигиозные и свободолюбивые песни. Баян кишлака Сагиш убили любимого народом поэта за то, что он прославлял бедняков и высмеивал мулл и богачей.

Но никакие преследования не помогали. Нельзя заставить замолчать народных поэтов, ибо в условиях классового общества, когда народ не имел доступа к официальной науке, фольклор служил весьма важным средством борьбы с миром бояр, буржуазии и купцов, с их лицемерною моралью, средством выражения народного мировоззрения, стремления к просвещению.

Нет такой проблемы в общественной и частной жизни, которая не нашла бы своего отражения в народной поэзии — этой энциклопедии народной мудрости. Одно из самых видных мест в ней занимает антирелигиозная тема. Во всех жанрах: сказках, пословицах и поговорках, частушках, песнях народная поэзия говорит о своей

ненависти к религии, к ее сковывающей силе и эксплуататорской сути.

Изучая фольклор различных народов СССР, мы убеждаемся в том, что народ не создал ни одного произведения, в котором воспевались бы эксплуататоры — князья, цари, попы и служители церкви вообще. Наоборот, еще в древних былинах воспевался герой, который руководствовался разумом, стремлением к знанию. Недаром народ сложил пословицу: «Ученье свет, а неученье — тьма».

Русские богатыри и сказочные герои всегда безрелигиозны: они выступают в борьбе, преодолевая всякие заклятия и волшебства, поступая вопреки им. Вот почему так воспет и былинный герой Василий Буслаев, который не верил, как говорит былина, «ни в сон, ни в чох, ни в птичий грай».

Атеизм русского народа подтверждается и тем, что в народной поэзии, даже в жанрах, насыщенных фантастикой (например, в фантастических сказках), нет религиозно-фантастической образности. В наиболее древних былинах и сказках мы встречаем фантастические образы Змея-Горыныча, Кошеля Бессмертного, Бабы-Яги, но в них нет и тени религиозной окраски. Эти образы, возникшие на весьма ранней ступени развития человеческого общества и сознания, отражают непонятные силы природы, которые еще господствовали над человеком. Но ни в каких видах народной поэзии нет богов, рая, видений, чертей, дьяволов и иной чертовщины, к которой была бы проявлена богобоязненность, почитание, вера в ее неземное существование. Наоборот, они всегда высмеиваются, принижаются, рисуются глупыми и недогадливыми.

Во многих сказках ставится вопрос, заслуженно ли прославляется бог и проклинается чёрт, получал ли от них какой-нибудь бедняк реальную пользу, видел ли их реальное вмешательство в жизнь? Сказки, воплощая на-

родные представления, отвечают на эти вопросы отрицательно. Так, в сказке «Спор чёрта с богом» чёрт дружки жалуется богу, что люди его ни за что ругают и так же без причины хвалят бога. И решили они проверить справедливость этого утверждения. Сидят бог с чёртом и наблюдают. Вот корова из стада завязла в грязи. Сбежались крестьяне. Один подошел к корове и говорит:

— И куда тебя чёрт занес?

— Слышал? — говорит чёрт, толкая бога в бок. — Я ведь сидел с тобой, ничего не делал, а меня ругают.

— Да, слышу,—ответил бог.

Наконец, вытащили корову. Хозяин ее снял шапку, перекрестился и сказал:

— Слава тебе, господи, помог вытащить!

— Слышал? — снова говорит чёрт.— Ведь ты не помогал им тащить, и за что тебя хвалят?

— А я почему знаю? — ответил бог.

Религия и попы стремились внушить человеку мысль о том, что всё хорошее и плохое в мире совершается по воле божьей, что его воля нерушима, что законов, им установленных, нельзя переступить, что «все мы под богом ходим», что «без воли бога и волос не упадет» и т. п.

Народ же здравым рассудком, на основе изучения опыта повседневной действительности, приходил к другим, материалистическим выводам, которые как воплощение глубокой народной мудрости выражены в пословицах и поговорках. Например: «По семени и плод», «Что посеешь, то и пожнешь», «Дело мастера боится» и т. д. В таком отношении к фактам жизни нет места пассивному ожиданию милостей от бога, вмешательства его силы и милосердия. Человек убедился, что только при старательной обработке земли, уходе за ней, внесении удобрений можно добиться урожая. «Где хозяин ходит, там и хлеб родит», «Не поле кормит, а нивка».

Правда, образы бога, ангела, святых, чёрта в их ре-

лигиозной трактовке мы встречаем в духовной поэзии, но она, как известно, создана не народом, а церковниками для народа. Если же мы читаем о богах, святых и дьяволе в сказках и чаще в анекдотах, то обнаруживаем к ним сатирическое отношение. Бог, святые и чёрт всячески высмеиваются, показываются в неприглядном виде. Вспомним о злоключениях чёрта в повестях Гоголя или похождениях чертей в народных сказках. Рассказы о «святых» обычно носят в народной поэзии ярко антицерковный, антирелигиозный характер.

Уловки попов, мулл, раввинов, которые хитростью и ложью хотят поддержать веру в господа бога и его чудеса, очень ярко и правдиво показаны в сказках: русской — «Не сговорились», узбекской — «Чудотворец», украинской — «Лишь бы деньги — греха не будет» и других.

В сказке «Чудотворец» рассказывается об одном мудреце Сифи, который, выдавая за чудеса творимые им трюки, сознательно обманывал верующих. Так, он приказал принести книгу и сказал, что по ее весу определит количество страниц. В действительности же посмотрел на обозначение страниц книги, делая вид, что взвешивает ее, и важно объявил сколько в ней страниц. Неграмотные люди старательно пересчитывали листы по одному, уверяясь в правильности определения листов по весу книги, и поражались великой «божественной» мудрости Сифи.

Один поп объявил, что покажет прихожанам чудо — вызовет божественный огонь. Собрались люди в церкви, а поп и кричит: «Поддай, господи, с неба огня!» — и вылетел огонь из-за иконы. Это произвело большое впечатление, но когда поп, забыв предосторожность, в четвертый раз крикнул: «Поддай...», — дьякон ему из-за иконы ответил: «Ни черта больше не подаст, нет у меня пакли!» (см. русскую сказку «Не сговорились»).

Ряд сказок показывает и высмеивает отношение попов и других служителей религии к предметам церковного культа, которые служат им средством обмана и наживы. Именно на такие сказки в свое время обратили внимание русские революционные демократы. Так, В. Г. Белинский в известном письме к Н. В. Гоголю выступает против проповеди религиозного мракобесия и утверждения, что русский народ по своей природе религиозен. В доказательство атеизма русского народа В. Г. Белинский ссылается на русские народные сказки: России «...нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и соре,—права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом...».

Справедливость этого утверждения В. Г. Белинского подтверждается многими примерами из народной поэзии.

Русский, украинский и другие народы не придают никакого значения иконам, созданным богомазами. Русская пословица говорит об этом: «Из одного дерева икона и лопата», украинская — «Взяв боженьку за ноженьку, та й бабах об землю».

Характерна также сказка-анекдот «Раввин и корова», в которой правдиво, в соответствии с фактами жизни, обнажается показная набожность раввинов:

«В субботу днем прибежал еврей к раввину и спросил:

— Ребе, можно в субботу тащить корову из ямы?

— Ни за что, сын мой! Это грех! Ведь суббота — праздник.

— Но это ваша корова, ребе!

— Чего же ты стоишь, как остолоп? Зови скорее людей, чтобы вытащили!».

Жадность, стремление к наживе как характерные черты служителей религии, а также и их невежество — широко представлены в сказках: «Похороны козла», «Жад-

ный поп», «Поп Пахом» и др. Всё, показывают сказки, подчинено в религии не богу, а деньгам, потому что за деньги и поп, и дьякон, и певчие, и архиереи совершают «кошунство» — отпевают как святого «вонючего козла» и хоронят его около церкви.

Столкновения попов, мулл и раввинов с народом очень часто определяются экономическими отношениями. Как известно, народ всегда ценил в человеке прежде всего его отношение к труду, к трудовым процессам. Недаром поговорка говорит: «Человека суди не по словам, а по его делам». Вот почему поп, мулла, раввин, никогда не трудившиеся, выступают в народной поэзии не только как представители класса эксплуататоров, но и как эксплуататоры. Сказки подчеркивают, что представители религии враждебны трудовой жизни человека и сами чрезвычайно скупы: они всегда хотят выжать из работника все соки, кормить его впроголодь, не платить ему за его труд (см. сказки «Поп и работник», «Жадный поп», «Как поп работницу нанимал» и др.).

Необходимо отметить, что народные поэты глубоко понимают общественную роль сатиры и юмора антирелигиозных произведений. Народные поэты понимают, что, смеясь над отсталым, невежественным, народ становится над ним, развенчивает, преодолевает его.

Сатира в фольклоре — это грозное оружие, разоблачающее уродливое, реакционное, мешающее движению вперед. Таким образом, народная поэзия служит пробуждению в народе передовых мыслей, сознательному отношению к явлениям жизни.

Сатира в народной поэзии, разоблачая слепую веру в бога и рок, утверждает положительные идеалы, стремления к преобразованию действительности на разумных началах, к господству человека труда, к победе знаний над тьмой.

Владимир Ильич Ленин говорил о необходимости борь-

бы против религиозных предрассудков, о том, что нужно различными способами и средствами показывать, какой вред наносит религия коммунистическому строительству. Верующим «...массам, — писал он, — необходимо дать самый разнообразный материал по атеистической пропаганде, знакомить их с фактами из самых различных областей жизни, подойти к ним и так и эдак для того, чтобы их заинтересовать, пробудить их от религиозного сна, встряхнуть их с самых различных сторон, самыми различными способами и т. п.», — писал Владимир Ильич (Соч., т. 33, стр. 204).

Мы приводили высказывания классиков марксизма-ленинизма, четко раскрывающие отношение партии и государства к религии и религиозным верованиям. В нашем советском обществе право каждого, дело совести каждого — верить или не верить в бога. Однако наша задача — всячески способствовать преодолению религиозных заблуждений. Об этом не так давно высказал свое мнение товарищ Н. С. Хрушев.

Во время беседы с главой американского газетно-издательского треста В. Р. Херстом и некоторыми другими общественными деятелями США Н. С. Хрущеву были заданы вопросы о месте религии в нашей среде и об отношении к ней Коммунистической партии. Так, Р. Консайдан спросил: «Г-н Хрушев! Вы говорили о боге, говорили о душе, о полной духовной свободе человека при коммунизме, но почему же человеку, который верит в бога и внутреннее душевное содержание человека, нет места в Коммунистической партии?».

Ответы Н. С. Хрущева так ярки и понятны широким массам трудящихся, с такой исчерпывающей полнотой говорят о месте религии в нашем обществе и мире капитализма, что необходимо еще раз привести их и привлечь к ним внимание читателей. Несомненно, что многие рели-

гиозно настроенные люди, вдумчиво прочитав высказывания Н. С. Хрущева, сумеют преодолеть в себе власть предрассудков и религиозного дурмана.

«**Н. С. Хрущев.** Если у нас в разговоре встречаются такие, например, выражения, как «ей-богу», то лишь в силу привычки. Подобное выражение для нас равнозначно выражению «честное слово». Мы считаем, что вера в бога противоречит нашему коммунистическому мировоззрению. Однако мы вовсе не преследуем людей, исповедующих религию, так как это дело совести каждого человека.

В Советском Союзе церковь отделена от государства, но вы, вероятно, знаете, что в нашей стране есть много церквей и каждая из них имеет полную свободу действий, если она не вмешивается в политическую жизнь государства. Если служители церкви будут переплетать свою религиозную деятельность с политической агитацией против советского строя, это явится нарушением нашей Конституции. И советский народ не допустит такого вмешательства церкви в дела своего государства.

Одним словом, за гроб господний мы воевать не будем. Нельзя воевать за гроб с тем, чтобы гробами устлать мир. А когда-то велись кровопролитные войны за гроб господний, тысячи и тысячи людей гибли в крестовых походах. Но эти времена давно уже отошли в историю.

— **В. Р. Херст.** Я хотел бы не в порядке возражения, а в качестве замечания сказать, что все-таки никогда в истории не было такой цивилизации, не было такой великой страны, которая не верила бы в какого-нибудь бога.

— **Н. С. Хрущев.** В порядке уточнения должен сказать, что никогда не было такой страны, где все люди исповедовали бы одну лишь религию, что все они верили в бога. И у нас есть еще такие люди, которые верят в бога. Ну и пусть себе верят. Верить или не верить в бо-

га — это личное дело каждого человека, дело его совести. Всё это не мешает, однако, жить советским людям в мире и дружбе. И часто бывает так, что в одной семье есть и верующие и атеисты. Но верующих в бога становится всё меньше и меньше — растет молодежь, а она, в подавляющем большинстве, не верит в бога. Народное просвещение, распространение научных знаний, изучение законов природы не оставляют места для веры в бога.

— В. Р. Херст. Я хочу лишь сказать, что в этом, быть может, кроется одна из причин, по которым мы не всегда можем договориться друг с другом. Дело может быть, в том, что, когда мы даем слово, обращаясь к богу, мы берем на себя духовное обязательство, а у России соглашения остаются только на бумаге. Я не знаю, но, может быть, когда-нибудь мы сумеем преодолеть все эти различия.

— Н. С. Хрущев. Хотел бы ответить вам на это следующее: мы, коммунисты, политические деятели Советского Союза, являемся атеистами. Но мы высоко дорожим своими обязательствами, своим словом, и никогда не нарушаем взятых на себя обязательств. Мы дорожим жизнью человека и все силы отдаем тому, чтобы обеспечить людям нашей страны хорошую, счастливую жизнь, чтобы все советские люди были равны в своих правах и обязанностях, чтобы они имели все возможности пользоваться благами своего труда. Мы, коммунисты, активно боремся за предотвращение войны, делаем всё, чтобы не возникло новой войны. А возьмите, например, г-на Даллеса. Он верующий человек и очень часто обращается к богу, призывая его в свидетели. Так вот, г-н Даллес, взывая к господу богу, посылает своего эмиссара г-на Гендерсона в Турцию и другие страны для организации войны, для организации убийства людей. Как же это вяжется с понятием веры в бога? Ни одна религия не благословляет таких действий. Вот где кроется противо-

речие. Такие люди стремятся представить дело так, будто они действительно исходят в своей деятельности из «божьих указаний», а по существу ведут деятельность, противоречащую самым основным принципам человечности, а следовательно, и всему человеческому обществу.

Как можно служить молебны и кропить святой водой оружие, предназначенное для уничтожения человека, благословлять людей на убийство других людей только за то, что эти люди разговаривают на другом языке или исповедуют другую веру? А ведь это делают некоторые священники. Разве в этом высшее духовное проявление человечности и честности? Нет, это маска. Богом зачастую прикрываются для того, чтобы, используя чувства верующих, обмануть людей. Но ведь это просто фарисейство, есть немало людей, которые именем бога прикрывают свои преступные, антиобщественные поступки. И мы с такими людьми будем всегда бороться, разоблачать их действия, показывать людям истинные пути морального и духовного освобождения. Победа в этой борьбе будет на стороне нашего, социалистического строя. И вы никогда не восстановите американских людей против нас на том основании, что мы атеисты. Как только они поймут благородство наших целей, наших поступков, они с презрением отвернутся от тех, кто хочет восстановить их против нас и толкает на новую войну, которая будет стоить человечеству много крови и огромных жертв.

Мне вспоминается один рассказ, прочитанный в свое время, где описывается такой случай — разбойники убили человека и ограбили его. Причем среди награбленного добра они обнаружили кусок сала. Некоторое время спустя разбойники решили отдохнуть и съесть сало. Они уже начали было делить между собой это сало. И тут один из разбойников спросил: какой сегодня день? Ему ответили, что не то среда, не то пятница. (Не помню какой день назван в рассказе). Тогда он заявил, что сало

есть нельзя, так как православная церковь воспрещает есть мясное в среду и пятницу. Видите, как получается — разбойники убили человека, отняли у него жизнь, отняли всё, что у него было, но сало, взятое из добра убитого ими человека, есть не стали: боялись согрешить, потому что богом будто бы запрещено есть в этот день скромную пищу.

Разве не напоминают дела некоторых западных государственных деятелей такое кощунственное поведение людей, изображенных в этом рассказе? Ведь они, прикрываясь именем бога, частенько делают такие дела, которые несут гибель тысячам и миллионам людей.

В свое время колонизаторы в погоне за наживой вместе с войсками обязательно посылали в порабощаемые страны своих священников и, так сказать, мечом и крестом подчиняли себе народы. Колонизаторы приносили с собой в порабощенные страны крест и евангелие, они навязывали народу свою религию. Они оставляли народу евангелие, а богатства забирали себе. Весь мир знает об этом кощунстве, об этом обмане. Так что вы лучше не говорите о том, как насаждалась религия в народе, не взывайте к богу о помощи в борьбе против эксплуатируемых и угнетенных людей. Всё это — уже изведенные и известные трудовому народу приемы» (см. «Правду» от 29 ноября 1957 г.).

Антирелигиозная народная поэзия, образцы которой мы предлагаем читателю в настоящей книге, может послужить одним из средств и способов преодоления верующими темных религиозных предрассудков.

Антирелигиозная поэзия, созданная самим народом, такая понятная и близкая миллионам, может найти доступ к уму и сердцу людей, помочь им утвердиться на правильных, атеистических позициях.

**ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ**

РУССКИЕ СКАЗКИ

СПОР ЧЁРТА С БОГОМ

днажды от безделья чёрт шатался по полям и повстречался с богом. Пошли они вместе. Чёрт стал жаловаться богу, что его люди ни за что ругают, а бога хвалят. Выслушал бог и говорит:

— За то ругают, что ты причиняешь много зла, а меня хвалят за добро.

— Неправда,— говорит чёрт,— давай проверим.

Согласился бог, и пошли они в лес. Видят, у ручья пасется стадо коров. Одна корова шла по краю оврага, сорвалась, покати́лась вниз и завязла в грязи.

Сбежались крестьяне (а бог с чёртом сидят, наблюдают). Один подошел к корове и говорит:

— И куда тебя чёрт занес!

— Слышал? — говорит чёрт, толкая бога в бок. — Я ведь сидел с тобой, ничего не делал, а меня ругают.

— Да, слышу, — отвечает бог.

Наконец, вытащили корову. Хозяин ее снял шапку, перекрестился и сказал:

- Слава тебе, господи, помог вытащить!
— Слышишь? — снова говорит чёрт. — Ведь ты не помогал им тащить, а за что тебя хвалят?
— А я почему знаю? — отвечает бог.

· НЕ СГОВОРИЛИСЬ

В одном селе поп и дьякон придумали способ облегчить себе жизнь. В воскресенье поп объявил прихожанам, что через две недели подаст бог святого огня.

Собрался народ. Начали служить молебен. Все ждут огня. И вот священник начинает:

— Подай, господи, с неба огня!

Вылетел огонь из-за иконы. Старики и старухи обрадовались, что господь подал с неба огня. И посыпались на тарелку стариковы и старушечьи деньги. У попа начали разгораться глаза.

— Подай, господи, с неба огня!!

Опять вылетело пламя. Публика еще больше посыпала деньги: двугривенные, четвертаки, полтины. Попу это понравилось.

— Подай, господи, с неба огня!!!

И снова огонь. У попа еще больше разгорелись глаза. И он закричал в четвертый раз:

— Подай...

А дьякон ему из-за иконы отвечает:

— Ни черта больше не подаст, нет у меня пакли!

Так ихний план и не удался.

КАК ПОП РАБОТНИЦУ НАНИМАЛ

Вменя, девка, житье тебе будет легкое. Не столько работать будешь, сколько отдыхать. Утром встанешь, ну, как подобает, до свету горницы да кухню вымоешь, приберешь, двор подпашешь¹ и подберешь и спи, отдыхай.

Коров подоишь, попоишь, на поскотинку выпустишь и спи, отдыхай.

Самовар согреешь, утрешню еду нам с попадьей сготовишь и спи, отдыхай.

Мы с попадьей чаю попьем, поедим, посидим, а ты спи, отдыхай.

В огороде поработаешь, польешь, пополешь али в поле поработаешь и спи, отдыхай.

Обед состряпаешь, пирогов напечешь и спи, отдыхай.

Еду на стол поставишь, нас с попадьей обедать посадишь и спи, отдыхай.

Мы пообедаем, а ты посуду вымоешь, уберешь и спи, отдыхай.

После нашего обеда в лес сбегашь по грибы, по ягоды али попадя в город пошлет, а до города рукой подать,— всего-то верст десять,— сбегашь и спи, отдыхай.

¹ Подпашешь — подметешь.

Паужну сготовишь,— мы сами съедим, а ты спи, отдыхай.

Коров стретишь, подоишь, попоишь и спи, отдыхай.

К завтраку дров наколешь, воды наносишь и спи, отдыхай.

Ужну сваришь и спи, отдыхай.

Мы с попадъей сядем, съедим, а ты посуду уберешь и спи, отдыхай.

Нам с попадъей постели наладишь, нас с попадъей спать повалишь и спи, отдыхай.

Мы спать повалимся, а ты, девка, день-деньской проспишь, проотдыхаешь, во что ночью спать станешь? Ну, попрядешь, поткешь, ново сошьешь, старо починишь, до утра скорехонько досидишь.

Да ведь, девка, не даром. Платить буду каждый год по рублю. Сама понимай: сто годов — сто рублёв, богатейкой станешь.

ПОХОРОНЫ КОЗЛА

или старик со старухой. Не было у них ни одного детища, только и было, что козел: тут все и животы! Старик никакого мастерства не знал, плел одни лапти — только тем и питался. Привык козел к старику: бывало, куда старик ни пойдет из дому, козел бежит за ним. Вот однажды случилось идти старику в лес за лыками, и козел за ним побежал. Пришли в лес: старик начал лыки драть, а козел бродит там и сям и травку щиплет, — щипал, щипал, да вдруг передними ногами и провалился в рыхлую землю, зачал рыться и вырыл оттедова котелок с золотом. Видит старик, что козел гребет землю, подошел к нему и увидал золото; несказанно обрадовался, побросал свои лыки, подобрал деньги — и домой. Рассказал обо всем старухе.

— Ну, старик! — говорит старуха, — это нам бог дал такой клад на старость за то, что столько лет с тобой потрудились в бедности. А теперь поживем в свое удовольствие.

— Нет, старуха! — отвечал ей старик, — эти деньги нашлись не нашим счастьем, а козловым; теперича нам жалеть и беречь козла пуще себя!

С тех пор зачали они жалеть и беречь козла пуще себя, зачали за ним ухаживать, да и сами-то поправились — лучше быть нельзя. Старик позабыл, как и лапти-то плетут; живут себе поживают, никакого горя не

знают. Вот через некоторое время козел захворал и издох. Стал старик советоваться со старухой, что делать:

— Коли выбросить козла собакам, так нам за это будет перед богом и перед людьми грешно, потому что всё счастье наше мы через козла получили. А лучше пойду я к попу и попрошу похоронить козла по-христиански, как и других покойников хоронят.

Собрался старик, пришел к попу и кланяется:

— Здравствуй, батюшка!

— Здорово, свет! Что скажешь?

— А вот, батюшка, пришел к твоей милости с просьбой, у меня на дому случилось большое несчастье: козел помер. Пришел звать тебя на похороны.

Как услышал поп такие речи, крепко рассердился, скзатил старика за бороду и ну таскать по избе.

— Ах ты окаянный! Что выдумал! — вонючего козла хоронить.

— Так ведь этот козел, батюшка, был совсем-таки православный: он отказал тебе двести рублей.

— Послушай, старый хрен! — сказал поп.— Я тебя не за то бью, что зовешь козла хоронить, а зачем ты по сю пору не дал мне знать о его кончине: может, он у тебя давно уж помер.

Взял поп с мужика двести рублей и говорит:

— Ну, ступай же скорее к отцу дьякону, скажи, чтобы приготовился: сейчас пойдем козла хоронить.

Приходит старик к дьякону и просит:

— Потрудись, отец дьякон, приходи ко мне в дом на вынос.

— А кто у тебя помер?

— Да вы знавали моего козла, он-то и помер!

Как зачал дьякон хлестать его с уха на ухо.

— Не бей меня, отец-дьякон! — говорит старик.— Ведь козел-то был, почитай, совсем православный, как умирал, тебе сто рублей отказал на погребение.

— Эка ты стар и глуп!— сказал дьякон.— Что ж ты давно не известил меня о его православной кончине; ступай скорей к дьячку, пушай позвонит по козловой душе!

Прибегает старик к дьячку и просит:

— Ступай, позвони по козловой душе.

И дьячок рассердился, начал старика за бороду трепать.

Старик кричит:

— Отпусти, пожалуй, ведь козел-то был православный, он тебе за похороны пятьдесят рублей отказал.

— Что ж ты до этих пор копаешься! Надобно было пораньше сказать мне: следовало бы давно уж позвонить.

Тотчас бросился дьячок на колокольню и начал валять во все колокола. Пришли к старику поп и дьякон и начали похороны отправлять: положили козла в гроб, отнесли на кладбище и закопали в могилу.

Вот стали про то дело говорить промеж себя прихожане, и дошло до архиерея, что-де поп козла похоронил по-христиански. Постребовал архиерей к себе на правую старика с попом:

— Как вы смели похоронить козла? Ах, вы безбожники!

— Да ведь этот козел, — говорит старик, — совсем был не такой, как другие козлы: он перед смертью отказал вашему преосвященству тысячу рублей.

— Эка ты глупый старик. Я не за то жучу тебя, что козла похоронил, а зачем ты его заживо маслом не соборовал...

Взял тысячу и отпустил старика и попа по домам.

КАК ДЬЯКОН МИР СОТВОРИЛ

одного попа была привычка: читая проповедь, ладонью стучать по аналою. Дьякон и вздумал подшутить: взял и натыкал шпилек под покрывалом аналая.

Вышел поп и начал читать о сотворении мира.

— Православные христиане! Знаете, кто сотворил мир?

А сам как трахнет по аналою! Света не взвидел от боли. Только и мог сказать:

— Это наш дьякон, чёрт бы его побрал, сделал в мое отсутствие!

В этом приходе так и считали, что дьякон мир сотворил.

ЗАВРАЛСЯ

одном приходе верующих стало мало, доходы у попа оскудели.

Поп и говорит дьякону:

— Давай поднимать веру! Я придумал про огненного змея. Когда буду говорить проповедь, ты меня одерни, если заврюсь.

— Ладно.

О проповеди всем рассказали. Народу в церковь собралось много. Поп начал говорить:

— Православные! Перестали вы посещать храм, и господь-бог прогневался, послал огненного змея, а змей огромный, один хвост в пятьдесят аршин!

Одни верующие с ужасом перекрестились, а некоторые усмехнулись.

Дьякон видит это и дергает попа за полу.

— Ну, пятьдесят не пятьдесят, а сорок аршин будет, — поправился поп.

В народе опять то же самое. Дьякон опять его дернул.

— Ну, сорок не сорок, а тридцать аршин был хвост, — говорит поп.

Народ засмеялся. Дьякон — опять дернул.

Поп тогда говорит:

— Православные, все-таки хвост у этого змея был не меньше двадцати аршин.

Дьякон снова дернул. Тут поп и возгласил на всю церковь:

— Что ж, по-твоему, отец дьякон, змей без хвоста был, что ли?

Верующие и слушать дальше не стали.

С ТОГО СВЕТА

К одному попу зашел странник. Попросил кусок хлеба. Матушка его и спрашивает: «Откуда ты, родименький, идешь?» — «С того света, матушка». Матушка и заплакала.

Он спрашивает: «Что ты, матушка, плачешь?». А она ему и говорит: «Не видал ли ты нашего сыночка? Мы его только что похоронили». Он и спрашивает: «А как его звать?». Она говорит: «Аркадием!». — «Как же, — говорит, — я его вижу, он мне близко знакомый. Но уж очень он там обносился, наг и бос». Она и говорит: «Не возьмешь ли парочки две белья для него?». — «Хотя, — говорит, — и трудно, ну, да ладно, возьму. А еще, — говорит, — там очень из питания трудно. Колбасы совсем нет. А масла сливочного и не видим». Она говорит: «Вот хорошо, что сказал, это всё у меня есть». Тот говорит: «Всё равно, уж захвачу». Сына-то ей жалко, и вот она этому страннику и того и другого сует. Он говорит: «Будет, не донесу, матушка». А она: «Ну, как-нибудь».

Всё это он навязал в узел, пообедал у ней, распрыстился и ушел. В это время попа дома не было: он был у заутрени. Приходит поп. Она ему и говорит: «Отец, — говорит, — у нас от Аркадия был человек. Я услала ему гостинец». А поп и говорит: «Да разве можно с того

света прийти? Ты мне покажи, куда же он пошел?». Она ему показала путь, куда пошел странник.

Он запряг лошадь и поехал этого странника догонять. Когда он стал уж совсем его догонять, странник заметил его. А здесь были близко стога сена смётаны. Вот поп за ним, а странник за стог сена побежал. Поп тогда поставил лошадь к стогу и за ним пешком. А странник с другой стороны забежал, сел на лошадь и поехал. Поп бежит тоже кругом стога, а лошади уже нет.

Приходит он домой. Попадья его и спрашивает: «А где у тебя лошадь?».—«А я ее сыну послал. Ты что думаешь, он тебе только сынок-то, а мне пасынок?».

НИКОЛА ЗА ЕГОРИЯ

Ш

ел по улице богомаз, навстречу ему — старушка.

— Продай, батюшка, Егория!

А у того, как на грех, все Егории вышли. Дает он бабке Николу. Присмотрелась она и говорит:

— Помнится, батюшка, Егорий-то помоложе был.

— Когда-то, бабушка, и ты была молода.

Не верит все-таки бабка.

— А что это?— говорит.— Егорий-то раньше на лошади, вроде, был.

— Да ведь овес-то не дешев! Вот и не ездит больше.

Так и купила бабка Николу за Егория.

ПРЕТВОРИ, ГОСПОДИ!

Момерла раз женщина в пост. Поминки справлять стали. Кинулись туды-сюды, а рыбы-то нет. Что делать? Закололи поросенка, поставили на стол. Под хреном поросенок. Пригласили попа.

— Батюшка,— говорят,— прости, ведь это поросенок под хреном.

— Ничего, свет,— говорит поп.

Подходит к поросенку и говорит:

— Претвори, господь, порося в карася. Кушайте, светы, карась хорош.

ПОП, РАБОТНИК И СОБАКА

Жил-был поп. У него были работник и кухарка. А поп жил с кухаркой. Вот поп задумал валенки кухарке свалять.

— Работничек, отвези в город валенки свалять.

Работник повез да и долго там пробыл. Когда он возвратился, поп его и спрашивает:

— Что долго так?

— Иностранцы, батюшка, приехали. Собак они учат, чтоб гутарили.

А у попа кобель был борзый.

— Отвези кобеля-то, работник, пусть его поучат.

Работник завез этого кобеля в лес и удушил. Приехал.

— Что, милый, отвез?

— Отвез, батюшка, отвез! Да только велели ему продуктов самых лучших привезти.

Работник повез продуктов. Вот возвратился, а батюшка его ждет не дождется. Уж он больно пожить в городе хочет, чтобы кобель-то у него гутарил.

— Ну, как кобель?

— Батюшка, как он гутарит хорошо! Я прихожу, а наш кобель на огороде дежурит. Меня не пускают. Один кобель стоит и говорит: «Ты зачем, — говорит, — пришел?». А наш-то кобель ему и говорит:

— Эй, пропусти его!

— Ну, меня и пропустили. А гутарят они, батюшка, хорошо. Он меня спрашивает: «Как живешь?». Я говорю: «Хорошо». — «А как батюшка живет?». — «Тоже, говорю, славу богу, поживает хорошо». — «Батюшка, говорит, всё по-старому с кухаркой живет?». Я говорю: «Всё по-старому живет».

Поп слушает и думает: «Это он всё тоже выучился. Он может всё обо мне разболтать».

— Эй, Иван, езжай, возьми кобеля да удуши его в лесу.

Ну, а Иван его ведь уже давно удушил в лесу. А работник ему и говорит.

— Батюшка, денег много надо выкупать.

— За что?

— Да за кобеля, за постой, за учение. Мало ли на него расходов сделали.

Поп ему дал много денег. Работник два дня без просыпу и гулял. Приехал домой, а поп его опять спрашивает:

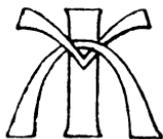
— Что, родимый, удушил?

— Удушил, батюшка, удушил.

ПУТАНИК

ил старик со старухой, и были у них две дочери. Одну выдали замуж. Ждут год, другой, а внучат не дождутся.

Старик старуху начал провожать к попу: закажи бабушке молебен,— авось намолит внучат.

Собралась старуха, взяла яиц да курочку. Приходит.

— Ладно,— говорит поп,— бери рублевую свечку, ставь Николе-угоднику, а я молебен отслужу.

Отслужил, а внучат всё нет.

Прошел год. Старик опять гонит старуху к попу. Отнесла она не одну, а пару кур, дала опять и яиц и денег, ставила Николе рублевую свечку. И опять молебен не помог.

Снова старик провожает старуху молиться. Приходит она к попу, а тот ей свое: «Бери рублевую свечку, ставь Николе». Тут старуха на него напустилась:

— Не стану ставить свечи этому путанику и так уж два раза ставила. Он и намолил сыночка дочери, да только незамужной.

ЖАДНЫЙ ПОП

ил-был поп. Имел большой приход, а был такой жадный, что великим постом за исповедь меньше гривенника ни с кого не брал. Если кто не приносил гривенника, того и на исповедь не пустит, а начнет срамить:

— Эка ты рогатая скотина! За целый год не мог собрать гривенника, чтобы духовному отцу за исповедь дать. Ведь он за вас, окаянных, богу молится!

Вот один раз пришел к этому попу на исповедь солдат и кладет ему на стол медный пятак. Поп просто взбесился:

— Послушай, проклятый,— говорит ему,— откуда ты это выдумал принести духовному отцу медный пятак? Смеешься, что ли?

— Помилуй, батюшка, где я больше возьму? Что есть, то и даю.

— По кабакам носить, небось, есть деньги, а духовному отцу одни грехи тащишь! Ты про этакой случай хоть укради что да продай, а священнику принеси что подобает: заодно уж перед ним покаешься и в том, что своровал, так он все тебе грехи отпустит.

И прогнал от себя поп этого солдата без исповеди:

— И не приходи ко мне без гривенника!

Солдат пошел прочь и думает: «Что же мне с попом делать?».

Глядит, а около клироса стоит поповская палка, а на палке висит бобровая шапка.

— Дай-ка, — говорит, — попробую эту шапку утащить.

Унес шапку, потихоньку вышел из церкви да прямо в кабак. Тут солдат продал ее за двадцать пять рублей, припрятал деньги в карман, а гривенник отложил для попа. Воротился в церковь и опять к попу.

— Ну что, принес гривенник? — спросил поп.

— Принес, батюшка.

— А где взял, свет?

— Грешен, батюшка. Украл шапку да и продал за гривенник.

Поп взял этот гривенник и говорит солдату:

— Ну, бог тебя простит, и я тебя прощаю и разрешаю.

Солдат ушел, а поп, кончивши исповедовать своих прихожан, стал служить вечерню; отслужил и стал домой собираться. Бросился к клиросу взять свою шапку, а шапки-то нету; так простоволосый и домой пошел. Пришел и сейчас послал за солдатом.

Солдат спрашивает:

— Что угодно, батюшка?

— Ну, скажи, свет, по правде, ты мою шапку украл?

— Не знаю, батюшка, вашу ли я украл шапку, а только такие шапки одни попы носят, больше никто не носит.

— А из которого места ты ее утащил?

— Да в нашей церкви висела она на поповской палке, у самого клироса.

— Ах ты такой-сякой, такой-сякой, как смел ты уворовать шапку своего духовного отца?

— Да вы, батюшка, сами меня от того греха разрешили и простили.

ДОБРЫЙ ПОП

ил-был поп. Нанял себе работника, привел его домой.

— Ну, работник, служи хорошенько, я тебя не оставлю.

Пожил работник с неделю, настал сенокос.

— Ну, свет,— говорит поп,— бог даст переночуем благополучно, дождемся утра и пойдем завтра косить сено.

— Хорошо, батюшка.

Дождались они утра, встали рано. Поп говорит попадье:

— Давай-ка нам, матушка, завтракать, мы пойдем на поле косить сено.

Попадья собрала на стол. Сели они вдвоем и позавтракали порядком.

Поп говорит работнику.

— Давай, свет, мы и пообедаем за один раз и будем косить до самого полдника без роздыха.

— Как вам угодно, батюшка, пожалуй и пообедаем.

— Подавай, матушка, на стол обедать,— приказал поп жене.

Она подала им обедать. Они по ложке, по другой хлебнули — и сыты.

Поп говорит работнику.

— Давай, свет, за одним столом и пополудниваем и будем косить до самого ужина.

— Как вам угодно, батюшка, полудновать — так полудновать!

Попадья подала на стол полдник. Они опять хлебнули по ложке, по другой — и сыты.

— Заравно, свет, — говорит поп работнику, — давай заодно и поужинаем и заночуем в поле — завтра раньше на работу поспеем.

— Давай, батюшка.

Попадья подала им ужинать. Они хлебнули раз-два и встали из-за стола.

Работник схватил свой армяк и собирается вон.

— Куда ты, свет? — спрашивает поп.

— Как куда? Сами вы, батюшка, знаете, что после ужина надо спать ложиться.

Пошел в сарай и проспал до света.

С тех пор перестал поп угощать работника за один раз завтраком, обедом, полдником и ужином.

РАННЯЯ ОБЕДНЯ

сю ночь гуляли поп и дьякон, выпивали, в карты играли, а как рассвело, прямо в церковь — раннюю служить.

Поп в выигрыше большим, идет веселый, песни поет, а дьякон сзади, злится — жаль, деньги проиграл.

Отслужили. Стал поп проповедь говорить:

— Оскудела вера, постов не соблюдаете, пьете, в карты играете, бога гневите.

А как начал про страшный суд говорить, совсем разошелся, и ну руками махать. Как махнул рукой — из рукава широкого, поповского, карты посыпались.

Не растерялся поп, но только он раскрыл рот, чтобы сказать, что это знамение чудесное, как подскочил к нему дьякон — бледный, злой, весь трясется:

— Отдай деньги, ты нечестно играл, карт напрятал.

Поп давай его унимать, да не тут-то было! Коса на камень нашла, пришлось деньги отдать при всем честном народе.

ПОП ПАХОМ

дин приход без священника всё жил. Крестьяне и выбрали мужичка пойти поискать попа. Ну, пошел мужичок, и попался ему навстречу старичок.

— Как тебя зовут, старичок?

— Меня зовут Пахом.

— Так будь у нас попом!

Ну, он и согласился. Дом ему выстроили. Ну, он, конечно, забрал жену и детей. Ну, дети у него работой занимались, хозяйством. У церкви земли, покосу было много. Они заживали да денежки наживали. Пахом нажил капитал большой. Надо обедню служить. Народу собралось много — слушать нового попа. Ну, он обедню так служил: взял большую книгу, кверху поднял:

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Не знаем, — ответили ему.

— Не знаете, так нечего и сказывать!

Второй раз и говорят:

— Ну, ребята, как поп сделает так, скажем, что знаем.

Опять взял большую книгу, кверху поднял.

— Знаете ли, миряне, эту книгу?

— Знаем.

— Ну, а знаете, так нечего и сказывать.

Недовольны миряне попом, что худо служит. Стали роптать прихожане. Ну, третью обедню стал служить. Много пришло прихожан: охотно обедню слушать. Третью обедню начал Пахом служить с решетом. Поднял решето кверху и начал распевать:

— Тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра, тут дыра и тут дыра!

Потом и говорит:

— Ну, дьячок, запирай двери на крючок, будем всю неделю служить!

Прихожане испугались, все из церкви и разбежались: испугались, что долго. Ну, прихожане уговорились, что надо прошенье подать архиерею, что поп худо служит. Архиерей отписал, что на такое-то время приеду на ревизию. Архиерей приехал с певчими и с протодиакonom, собралось прихожан много. Архиерей заставил обедню служить отца Пахома. Ну, архиерей пошел вместе слушать с певчими, с протодиакonom. И мужички пошли слушать, как при архиерее будет служить. Начал обедню служить.

— Преосвященнейшия владыко! Возглас первый: служаху при сей церкви двенадцать лет, составил капитал двенадцать тысяч. Вам жертвую шесть тысяч и протодиакону пятьсот рублей, певчим триста рублей. Поехал мужик на мельницу, навалища большой воз, и смутишася коние его, и бысть глас с небесе: прру!

Певчие и подхватили!

— Слава тебе, господи, слава тебе!

Архиерей вышел и говорит:

— Миряне, поп-то ничего служит.

— Это при вас хорошо, а без вас плохо!

— Нет, пусть служит. Нельзя хаять!

СОЛДАТ-ПСАЛОМЩИК

старинные годы жили-были, по 25 лет служили. Бедного брали. Богатые откупались. Отслужишь 25 лет, идешь на родину и не знаешь: жив ли кто или померли. Тогда железных дорог не было. День идешь, другой, третий, месяц и другой идешь, и третий...

На службе солдат приучали чистоту соблюдать. Вот идет солдат со службы. Куда ни кинь — кругом грязь, топили по-черному. Смотрит солдат, где бы переночевать? Видит — дом приветливый. Он идет. И угодил к посту. Открыла дверь попадья и говорит:

— Здравствуй, солдатик!

— Здравия желаю! Можно ли переночевать?

— Можно, свет.

Солдатик вошел.

— Как бы у вас побриться?

Служанка подала мыльницу. Он причесался. Солдат-то он был вымуштрованный, выщелоченный, ходит по комнате — топ, топ, топ...

— Видит — на столе книга. Открывает книгу и говорит: «Горе вам, живущим на земле!». А говорит-то нараспев, голос-то такой, что хоть на клиросе пой. Попадья и говорит про себя: «Вот кого бы в зятя-то». И решила доло-

жить своему попу. Дескать, и дочь-то надо куда-то девать, да и зять-то голосистый. А чтоб у солдата деньги были, решила взять его в псаломщики, а прежнего псаломщика уволить.

Берет солдат другую книгу и тоже нараспев: «Горе вам, вавилоняне!».

Приезжает поп. Попадья к нему.

— Бать, у нас солдатик... А уж какой хороший. Грамотный. Вот бы его в зятя, в псаломщики бы его — и всё бы наше было. А то этот псаломщик и деньги берет, да и петь не может — ничего не поймешь.

Ну, ясное дело, сила в бабе. Поставили самовар, винца, и солдатiku:

— С дороги шли. Пожалте с нами откусать.

Сел. Выпили, и солдатiku:

— Где служили?

— В 39-м полку.

— Куда идете?

— На родину.

— А что у вас там?

— Ничего не знаю — где сестра, где кто.

— Вам, верно, все одно, где бы ни пришлось теперь служить?

— Да, конечно. Но на родине можно определиться через товарищей.

Еще по стаканчику раскололи. И опять:

— Слушай.

— Да?

— Мы хотим тебе сделать предложение. В зятки к нам.

Солдат в тупике:

— Я... как сказать... было бы в угоду вам.

Вот выводят ее — кровь с молоком... Она говорит:

— Нравится.

А ведь всё в поповых руках. Тут же ночью обвенчали, с певчими даже.

Наутро к попу является мужичок, дом он строит, освятить надо. Приехал мужик с вином, конечно.

— Водосвязь, батюшка, отслужите мне.

До солдата у попа был псаломщик Самсон. Ну, так дали ему увольнение. И служить довелось солдату. Сгрёб солдат всё, что было на свадьбе, в охапку, сели и поехали. Приехали. Мужик говорит:

— Несколько закусим, что ли?

Угостились, выпили.

— Ну, давай начинать, — говорит поп.

И начал:

— Миром господу помолимся!

Солдат крикнул. Поп и говорит мужику:

— Смотри, голос какой у зятька-то!

А солдат пообождал, пообождал, да еще раз крикнул.

Не знает, как начинать-то. Поп говорит:

— Ну, начинай, а голос-то мы твой знаем.

Делать нечего. Солдатик запел быстро-быстро:

Сухопарая, поджарая моя,
Хвост поджала, побежала от меня.

Поп растерялся. Делать нечего — и подхватил:

Ай, виндерь, виндерь, калинка моя,
В саду ягодка-малинка моя.

После службы мужик и говорит попу:

— Сроду такой закатистой службы не видал.

По дороге поп и говорит солдату:

— Зять, какую ты чертовщину спорол?

— Да ведь я ничего не знаю.

Когда приехали домой, поп и сообщает попадье:
— Чего же ты набрехала? Зять-то наш ничего не знает.

А попадья:

— Учи!

Что же? И выучил.

СОЛДАТСКОЕ „ОТЧЕ НАШ“

одно прекрасное время солдат находился у генерала на вестях в передней комнате. Закурил трубку и говорит:

— Эх-ма, плохая моя доля! Разуму хотя и много, да денег нет ни гроша.

А в это время генерал находился в кабинете, занимался письменными делами и услышал, как солдат обижается на свою долю. Любопытство подстрекнуло его спросить, и он вскричал:

— Вестовой, поди сюда!

Вестовой подходит и говорит:

— Что изволите, ваше превосходительство?

— Что ты за умница такая, что у тебя разуму много?

— Конечно, много, ваше превосходительство! Я на каждый вопрос могу отвечать, и ни в чем не запнусь.

— Хорошо, посмотрим, как отвечать-то будешь.

И генерал начал спрашивать вестового:

— Послушай, вестовой, почему это так: бог сотворил небо и землю и всем управляет, ему должны все повиноваться и исполнять его заповеди, а мы говорим ему «ты», а не «вы», а начальникам — «вы»?

Вестовой отвечал:

— Вас, чертей, много, а бог один, поэтому и говорим ему «ты», а не «вы», ваше превосходительство.

Генерал отвечал:

— Хоть ты и правду говоришь, но лично оскорбил меня, а это грешно.

— Эх, ваше превосходительство, горе теперь грехи искать: грех скончался, правда сгорела, правосудие убежало, добродетель ходит по миру, закон на пуговицах, верность на аптекарских весах, надежда с якорем на дне моря да и терпенье скоро лопнет.

Генерал подумал да и говорит:

— Вижу, на словах-то ты ловкий, как на деле-то будешь...

Вестовой отвечал:

— Я и на деле такой же, ваше превосходительство. Извольте спрашивать о полковнике или генерале, я на всё буду отвечать словесно: молитвы, заповеди в особенности, как дважды два, много лучше соборного пономаря отведу без запинки.

— Хорошо, посмотрим, как-то отвечать ты будешь. Читай-ка хоть мне... «Отче наш».

— Извольте слушать, ваше превосходительство.

Вестовой начал читать:

Когда солдат в строй вступает,
Тяжко вздыхает и говорит:
Отче наш.

Румяная заря играет,
Рота командира ожидает,—
Иже еси.

Шумит, гремит,
Рвется, как
На небеси.

Подайте палок и плетей
Для солдатских плечей!
От солнечных лучей
Да святится.

Тогда солдат солдата,
По приказанью начальства,
Бьет и в уме своем клянет
Имя твое.

Потом входит фельдфебель,
Кричит: «Стройся, равняйся,
Смотри на начальника бравей!
Да придет».

Теперь вся рота наша в отряде.
Командир наш помрет,
Будет во аде;
Там же будет
Царствие твое.

Вот здесь командуешь нами,
А там будешь командовать чертями,—
Над ними
Да будет воля твоя.

Там будешь более в почете,
Нежели у нас в батальоне или роте,
Яко на небеси.

Хоть ты не больше червя,
Который пресмыкается
И на земли.

Провиант наш ты на что меняешь?
У нас последнее отнимаешь.
Это ведь —
Хлеб наш насущный.

Царь нам от казны отпускает,—
Даждь нам днесь.

А если мы перед тобой в чем провинились,
Или на службу не явились,—
В кабаке просидели,—
Остави нам.

А что вы муку нашу продаете,
А денежку в карман кладете,
Это за вами
Долги наши.

Хотя вы мукой не торгуете,
Ничем не барышуете,
Яко же и мы оставляем.

Если с нами честно разочтетесь
И во всем нас удовлетворите.
А если по-прежнему, то будете
Должниками нашими.

А командир наш до самой смерти
Смотрел на нас сурово —
Не дай нам бог другого
И не введи нас во искушение,
Но избави нас.

А равно и мы от тебя избавиться
Очень рады, как
От лукавого.

Генерал его за это поблагодарил и три рубля на водку подарил.

УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ

КАРМЕЛЮК И ЖЕСТОКИЙ ПОМЕЩИК

ил-был один помещик — смиренный-пре-смиренный, тихий-претихий, ласковый-пре-ласковый. Всё делал льстиво этак, с воздыханьями да поклонами, но крестьяне боялись его пуще огня немилосердного, хуже чумы и мора лютого. Только не выйдет какой-нибудь бедняга на работу вовремя, то так уж и знай, что пришлет пан-помещик эконома, и тот заберет у него всего-навсего четверть его пожитков. А не выйдет бедняга второй раз, то уже половину, а если кто ослушается, то всю домашнюю утварь заберет. А бить, бранить — упаси бог!.. И уж сколько горя с ним люди натерпелись, сколько кровавых слез пролилось, сколько сирот несчастных осталось, когда матери с голоду да немочи на тот свет представились.

И вот поехал раз этот помещик в церковь. Исповедался да и едут цугом назад, слышит — в лесу кто-то кричит. Оглядывается, а то бежит за ним церковный дьяк и кричит, чтобы подождал. Придержал помещик лошадей, а дьяк и говорит ему, что так, мол, и так, ваша милость, забыли, мол, отец-батюшка, в каких вы грехах ему испо-

ведались, вот и послали меня вдогонку, чтобы вы еще раз сказали, ведь надо же им ваши грехи отмаливать.

Ну, помещик и говорит опять:

— Исповедовался я,— говорит,— чтоб господь простил мне грехи мои тяжкие, что я как-то в святую пятницу оскоромился, еще как-то нечаянно кошечке моей хвост прищемил, да еще кучеру однажды бранное слово молвил...

— Ага,— говорит дьяк,— это и всё, ваша милость?

— Всё,— говорит помещик.

— А-а,— говорит дьяк,— да вы, ваша милость, еще позабыли один маленький грешок — это ваше богатство, что вы из слез сиротских скопили себе.

И враз дьячковую одежду с себя, а помещик как увидит, что это сам Кармелюк, да как подымет крик, а Кармелюк тогда — раз, берет один тополь и пригибает, сильный был он, пригнул его, а потом веревку помещику на шею р-раз! — и говорит:

— Ну, подымайтесь, ваша милость, к небу, уж там и остаток грехов искупите,— и пустил тополь вверх.

И только ветер засвистел!

ПРО БОГА И СВЯТОГО ИОСИФА

ак вот, значит, когда родился Христос, святому Иосифу досадно стало. Всё же таки жена его, а ребенок от святого духа! И начал он тогда к бутылке прикладываться. Пьет и пьет, пьет и пьет.

Вот бог ему и говорит:

— Хватит тебе, Иосиф, пить! Ты же таки святой!

А Иосиф молчит и пьет. Вот и второй раз появляется бог:

— Хватит тебе, одумайся, Иосиф! Довольно пить!

А тот насутился и пьет.

Бог ушел, а он опять за чарку.

Вот и третий раз приходит бог:

— Да брось же, говорю тебе, водку! Что ты думаешь?

А Иосиф как рассердился:

— Молчи,— говорит, боже, а не то как хрякну своего байстрюка по голове, так к чертовой матери вся ваша троица полетит!

ТКАЧ В АДУ

мер ткач, тот, знаете, что полотно хорошо ткал. А был он человеком грешным: как-то рассердился да больно матушку попову обругал. Ну, за это и попал ткач в ад, а когда в ад собирался, то решил захватить с собой и верстак — тот, что полотно ткут.

Установил ткач станок в аду,— а верстак большой — занял в аду много не много, а добрую половину ада. Да вот беда: верстак-то жена снарядила, а свата (сват — маленькая штучка, по которой цевка ходит с нитками) положить забыла.

И передал ткач через попа письмо жене: так, мол, и так,— передай свата. А в аду подумали, что «свата» — человека, да и говорят:

— Ну тебя подальше! Ты навез столько, да еще сват привезет столько, так весь ад заставишь верстаками.

А иуда приказал выгнать его с верстаком из ада. Выгнали, а верстак выкинули. А ткач думает: «Видишь, и здесь эти греховодники испугались рабочего человека!»

И В А Н И П О П

Был у попа работник Иван. Попы, известное дело, плохо работников кормили. Хлеб давали всегда черствый, а то и совсем сухой, и был Иван всегда голодный. Надоело это ему.

Как-то вечером привез один богач ребенка крестить. А Иван и подглядел, куда служанка спрятала тот хлеб, что привез богач. Вечером Иван забрал хлеб и принес к себе в конурку. И думает Иван: «Что я за дурак, только один хлеб ем! Стой! Схожу-ка я в подвал за сметаной».

Прислуга завозилась чего-то в хате, а Иван за хлеб и спускается в подвал. Сел у сметаны и ест. Наелся и пошел. Но второпях пролил сметану. Наутро открывает матушка подвал, видит—кто-то сметану ел. Она и жалуется попу:

— У нас Иван начал проказничать.

Поп позвал Ивана и говорит:

— Иван, что ж это ты проказничаешь?

— Я никогда,— говорит,— батюшка, не проказничал.

Поп и говорит:

— Ну, что ж, святые там, что ли, сметану ели?

Иван говорит:

— А почему знать, может, и святые.

На другой день Иван и придумал. Взял церковный ключ, миску сметаны и пошел в церковь. Приходит в церковь, открыл и начал святых в церкви сметаной мазать. Понамазывал всех по одному разу, а Николаю-угоднику, — он-то ведь старше всех, — вымазал и бороду. Запер церковь и пошел.

Наутро кинулась матушка в погреб, а там миски совсем нет. Она и докладывает попу:

— Опять Иван ворует, утащил даже миску.

Призывает поп Ивана:

— Иван, это ты сделал?

Иван говорит:

— Нет!

Поп опять-таки говорит:

— Как же нет? Что ж, там святые были?

— Да, видно, святые, — отвечает Иван.

А попу как раз надо было идти к утрене. Сторож, как всегда, звонит. Входит поп в церковь, глядь — все святые в сметане. Запирает поп церковь и говорит сторожу:

— Не звони, тут дело такое...

Прибегает домой, говорит матушке:

— Святые сметану едят.

Идут поп с матушкой и Иваном в церковь. Матушка говорит:

— Стой, Иван, бери кнут!

Берет Иван кнут, подходит к церкви, открывает поп церковь. Вошли в церковь. Матушка и говорит:

— Пори, Иван, всех святых по разу, а Николая-угодника бей два раза. Это он направил их всех.

Порет Иван всех святых по разу, а Николаю-угоднику два раза всыпал. Вернулись домой.

На другую ночь Иван встал, взял от церкви ключ, пошел в церковь, отпер, снимал всех святых и на чердак запрятал. Утром просыпается поп, — как раз был

праздник, — входит в церковь: нет ни одного святого, все из церкви ушли. Прибегает домой, кричит:

— Иван! Ты не видал?

— Чего? — спрашивает Иван.

— Да святые убежали.

— Видал, — говорит Иван. — Они зашли во двор, волновались-волновались, хотели было вас повидать, да вы спите, не стали будить; обиделись и ушли.

Поп мигом из церкви на улицу, глядь — идет женщина за водой.

— Слушай, ты не видела?

— Видела, вон они на горку пошли, — отвечает женщина.

А на горку шли селяне землю делить, так что женщина не знала, про кого поп спрашивает.

Вскакивает поп во двор и кричит:

— Иван, садись скорей на лошадь, догоняй святых, дам, чего скажут, лишь бы только вернулись!

Садится Иван на лошадь и едет за бугор. Заехал Иван за бугор, видит — а там собрались селяне, чтобы землю делить. Посидел Иван с ними, перекурил, едет назад.

— Ну, что? — спрашивает поп.

— Да они, батюшка, обижаются. Сказали так: «Не вернемся, пока нам поп не заплатит за каждого три рубля, а за Николая-угодника шесть, да еще четверть водки и миску вареников со сметаной». И сказали, что придут только к ночи, чтоб никто не видал, а то будет совестно.

Поп говорит:

— Ладно! Погоняй живей да скажи, что всё сделаю, пусть только возвращаются.

Поехал Иван за бугор, поговорил с селянами, воротился назад и говорит:

— Сказали, вернемся только к ночи. Пусть готовит водку и закуску среди двора.

Поп всего наготовил. Приготовил и деньги, дожидается. Матушка поставила миску вареников. Ждут, уже полночь, а святых всё нет и нет. Поп и говорит:

— Иван, я пойду посплю, а ты меня разбудишь, как придут!

Поп и захрапел. Иван со сторожем повечеряли варениками со сметаной, достали святых с чердака, обмыли, поразвешивали опять в церкви, а сами улеглись отдыхать.

Проснулся поп, спохватился:

— Что такое, что Иван меня не будит?

Видит поп, что Иван спит, а закуска вся съедена.

Будит Ивана.

— Иван, Иван, подымайся! Где же святые?

— Э, да они уже тут были, попили-поели и меня угостили да и пошли в церковь.

Поп:

— А чего ты меня не разбудил?

— Да я хотел было будить, а Николай-угодник и говорит: «Не буди батюшку, они так крепко уснули,— будут еще обижаться!»

СВЯТЫЕ ПОМОГЛИ

Е хал как-то один дядька в город, и застала его в дороге завирюха. Зablудил он и попал в большой овраг. Конь и идти не может. Нокал он, нокал, а конь не идет. Дядька и думает:

— Дай-ка я помолюсь Николаю-угоднику, может, он поможет из оврага мне выехать!

Помолился он Николаю-угоднику, а конь всё на месте стоит. Нокает, погоняет коня, а он ни с места — устал.

Задумался дядька, закрутился, а тогда и говорит: «Помолюсь я еще Марии-деве». А конь всё стоит — не помогла и Мария-дева.

— Дай,— думает дядька,— помолюсь еще сорока мученикам, а то Мария старая, да еще с ребенком,— она не поможет».

— Ну, помолился он сорока мученикам, да как крикнет-нокнет на коня, как хлыстнет его, а конь навалился на одну оглоблю да и переломал ее. Эх, как рассердился дядька, да как закричит:

— А, черти б вас забрали, навалились все сорок и на оглоблю! Нужно было вам разделиться — половина на одну оглоблю, а другая — на другую, тогда б не было этой беды. Святые, а такие дурные!

ЧТО КУПИЛА?

Мостой, что это ты купила?
— Видишь, бога.
— Ты посмотри, а чего же он такой кривоно-
сый?
— Э, пусть его чёрт заберет. Лишь бы на стене
висел.

ОБРАЗ И ТАБАК

З

- доров, кум!
— Здоров!
— Где ты был?
— На ярмарке!
— Что ты купил?
— Образ!
— Ану, покажи!
— Та, хай ему чёрт, не хочу разворачивать. Руки замерзли.
— Ну, тогда доставай табак, давай покурим!
— Давай!

ДВЕ ИСНОВЕДИ

Отправился один человек в церковь на исповедь, а по дороге решил купить бутылку водки, чтобы после исповеди выпить. Пришел он в церковь, бутылку спрятал за церковною дверью и подходит к попу. Тот, как полагается, накрыл его епитрахилью и спрашивает:

— Чем грешна твоя христианская душа?

— Один грех у меня, отец-батюшка,— водку пью. Вот и теперь не удержался: когда в церковь шел, то купил бутылочку этого проклятого зелья.

— И ты не побоялся бога ко мне подойти с нею?

— Да нет, батюшка, я ее спрятал за дверью.

— Бог простит,— говорит поп,— только бей сорок поклонов.

Стал этот человек бить поклоны, аж лоб трещит, а поп шепнул псаломщику, чтобы он забрал водку.

Встал дядька, перекрестился, пошел из церкви, а водки как не было. Эх, и досадно стало ему, почесал затылок, да что сделаешь, пошел, а сам говорит:

— Не иначе, как бог простил и водку забрал!

На другой год пошел он на исповедь.

Спрашивает его поп:

- Чем грешна христианская душа?
- Да вот, батюшка, бываю я у одной молодницы. Та-кая она хорошая и красивая — никак не удержишься.
- А поп:
- Где она живет?
- Э,— говорит дядька,— и не спрашивайте, батюшка, а то будет, как с водкой. Не скажу!
- А поп:
- Ох-хо-хо, тяжкий у тебя грех, не прощается.

КОМУ ПОМОГЛО

В от лавочник и поп задумали разбогатеть.
— Давай,— говорит лавочник,— построим монастырь.

— Давай,— говорит поп.

Задумано — сделано.

Построили и зажили припеваючи.

А тут еще чудо бог послал — икона «обновилась».
Идут богомольцы. да и судачат:

— Помоглось ли кому от монастыря и иконы?

— Не знаю, помоглось ли кому, а двоим, знаю, добре помоглось, да еще и как добре.

ПЕРЕХИТРИЛ

З

алез один поп в церковь, накрал много церковного золота и, чтобы никто не забрал, положил в плащаницу, а сверху написал:

«Здесь хранятся тела божие».

А псаломщик увидал всю эту процедуру. Ночью всё золото себе забрал и написал:

«Здесь несть телес, — Христос воскрес!»

Т Я Г Л О

У

мер у бедного цыгана отец, а похоронить не за что. Община денег не дает, а батюшка хоронить без денег не хочет.

Что ж делать? Лежит отец день, лежит два и семь дней — аж засмердел. Вот цыган и задумался. Идет к попу и говорит:

— Похороните, батюшка, отца, я вам его тягло отдам! Поп аж обрадовался. Наверно, у цыгана конь добрый!

— Хорошо, похороню! А какое ж тягло у отца?

— Черное, как земля, вонючее, как свинья, а изо рта ладаном пахнет!

Диву дается поп, не может отгадать, что оно значит?

Похоронили отца. Отслужили молебен, цыган наварил юшки да и просит попа на обед.

Попу не по душе пришлась цыганова юшка, да и не сидится ему: скорее хочет коня или вола получить.

— Давай уже скорей тягло!

Пошел цыган... Выносит батюшке здоровенную черную трубку.

— Мой отец тянул, тянул трубку, а она из него душу и кишки вытянула. Нате, батюшка, тяните и вы на здоровье, пока из вас не вытянет.

ХОРОШИЙ ОТВЕТ

Спросили у одного дьяка, сколько он может выпить водки. А он подумал, подумал и спросил: — А во благовремени или натошак? — Натошак, — говорят. — А с закусиею или без оной? — С закусиею! — А за деньги или безвозмездно? — Безвозмездно! — О, — говорит дьяк, — если так, то до бесконечности.

ДУША

Ноп спросил на экзамене учеников:
— Кто скажет, что такое душа?
Никто не знал, а из первого класса пригото-
вишка и говорит:
— Я знаю, батюшка!
— Ну, молодец, утри нос этим здоровилам.
Все слушают и думают: «Откуда он знает?».
— Я рано гнал скотину в поле, а шел как раз около
вашего дома, батюшка. Вижу, из окна выскочила в одной
сорочке эта душа. Вы ее, батюшка, поцеловали и сказали:
«Прощай, душа!». Вот я и запомнил, что такое душа!

П Р И В Ы Ч К А

- С**прашивает на уроке закона божьего поп студента:
- Верите вы в чудеса?
- Студент отвечает:
- В природе чудес не бывает.
 - А вот вам пример: упал человек с высокой колокольни и остался живым. Что это, не чудо?
- Студент отвечает:
- Просто случай!
 - Допустим. Этот же человек второй раз падает с колокольни и снова остается живым. Это, по-вашему, не чудо?
 - Нет, просто совпадение.
 - Допустим! А если этот человек третий раз падает с той колокольни и остается живым? Что же это, по-вашему, чёрт вас возьми, чудо или нет?
 - Нет, просто привычка!

„ОЧИЩЕНИЕ“ ДУШИ

Забрался раз к одному мужику в хату вор. Залез он в красный угол, а там была занавеска, вот он и забрался под ту занавеску. Входит в хату мужик богу помолиться, стал на колени, молится богу и просит:

— Господи, очисти душу мою!

А тот за занавеской и говорит:

— Очи-ищу!

Обрадовался мужик, просит опять:

— И жену мою очисти!

— Очи-ищу!

— Очисти и зятька моего!

— Да не успею!

Вот помолился мужик богу и пошел в другую комнату, рассказывает жене:

— Вот, жинка, видно, господь нас любит, беседует со мною, говорит, что очистит, мол, души наши, и твою, и мою, и деток наших.

А жена и спрашивает:

— А зятька?

— Да, говорит, не успею.

Вот легли они спать, а в ту комнату никто не пошел

ночевать. Когда все уснули, вылез вор из-за занавески и забрал всё добро. Просыпаются они, видят: и вправду, так оно и есть — очистил их.

Тогда мужик и говорит:

— Вот говорил же, что очищу, ну, и очистил. А зятёк-то не успел.

КСЕНДЗ В ВОЛОВЬЕЙ ШКУРЕ

мерло у бедняка дитя — а дело было на Украине — и нечем было у мужика ксендзу заплатить. Пришел он к ксендзу:

— Похороните мне, ваше преподобие, ребенка.

А ксендз говорит:

— Заплати.

— Мне нечем.

— Так ступай и сам хорони!

Пошел бедняк на кладбище копать яму да и нашел в той яме сундучок с деньгами, принес его домой, заплатил ксендзу и устроил богатые поминки. Прошло некоторое время; пришел мужик на исповедь, и спрашивает его ксендз:

— Ты откуда деньги взял?

Вот и рассказал он ксендзу, что нашел, мол, на кладбище. А ксендз и говорит:

— Принеси мне, это деньги мои!

А мужик нести их не хочет. Доведалась о том ксендова жена, нарядила ксендза в черную воловью шкуру, на лоб приладила большие воловьи рога и отправила к мужику в самую полночь.

Подошел ксендз к окошку и бормочет. Кричит, словно человек:

— Выноси деньги, Иване, а не вынесешь, то я сам войду в хату!

Испугался мужик и выкинул деньги через порог прямо на двор.

БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ

СВЯТОЙ ДУХ

или-поживали в одном селе поп и дьяк. Людей дурманили и себе карманы деньгами набивали. Но в последнее время им стало мало дохода. Вот и стал поп думать, как бы, ему заманить в церковь больше народа. Поймал он голубя сизокрылого и пустил по деревне слух, что в церковь снизошел святой дух. Опять повалил народ в церковь и понес попу всякое добро.

Поп тогда и говорит дьяку:

— Возьми голубя с собой, дьяче. Как только я запою: «Святой дух, вознесись!», ты пускай голубя. Вот и пошли они в церковь. Поп важно идет, а за ним вприпрыжку дьяк. Прыгал он, прыгал, да и споткнулся. Упал дьяк на тот бок, где в кармане голубь был, и задавил его. Вот пришли они в церковь. Поп начал говорить проповедь, людей за непослушание богу ругать.

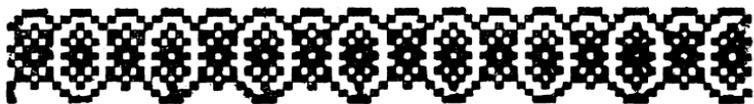
Говорил-говорил, а потом и запел: «Святой дух, вознесись!». Не поднимается святой дух. Подождал еще, да и поет опять: «Святой дух, вознесись!»

А дьяк ему в ответ:

— Святой дух удавился, когда я повалился.

Так и не удалось попу и дьяку одурманить людей, и с того времени перестали люди верить в поповские чудеса.

ХИТРЫЙ ПОП

И

дет поп дорогой. А был как раз пост великий. Поп взял колбасу и грызет, как голодный. Увидел это крестьянин. Удивительно ему: он голодает и в пост и в праздник, — это ему не новость, но почему же этот поп поста не соблюдает? Вот он и спрашивает попа:

— Что это вы, батюшка, скромное кушаете? Не грех ли это?

А поп и говорит:

— Темный ты мужик, плохо законы божьи знаешь, в дороге попу поста нет.

СВЯТАЯ КНИЖКА

В местечке был праздник, съехалось больше десяти попов. Тут же, рядом с церковью, продавали святые книжки по четвертаку, по полтиннику, по рублю. Кто купит за четвертак, тому меньше грехов отпустится, кто за полтинник — уже будет отпущена половина грехов, а кто купит за рубль — тому все грехи будут отпущены.

Верующие люди напролом лезут, книжки покупают для отпущения грехов.

Поп, что торговал книжками, продал свой товар и идет домой. А один парень вышел за ним вслед на дорогу и говорит:

— Давай деньги.

А поп говорит:

— Что ты делаешь? Это же грех.

А тот парень достает книжку за рубль и говорит:

— А вот, видел, — имею книжку за рубль, по ней все грехи прощены.

Забрал деньги — и всё.

ТУРКМЕНСКИЕ СКАЗКИ

КЕМИНЭ И МУЛЛА ПИР

Ж

ил в Ташаузе известный и трижды знаменитый мулла Пир. Слава о красноречии, мудрости, а также и жадности его широко катилась по всей Аму-Дарье.

Кеминэ¹ захотел посмотреть, правда ли этот мулла такой хитрый и умный человек, что не найдется ни одного человека, который мог бы взять над ним верх. Он сел на осла и поехал к мулле.

Ишан (мулла был из рода ишанов) принял поэта хорошо, хотя и не знал, что это знаменитый Кеминэ.

— Что тебе? — спросил он поэта ласково.

— Да вот хочу стать твоим сопи², чтоб потом и самому муллой быть, — ответил Кеминэ.

— Ладно, — говорит ишан, — будешь моим сопи.

На другой день утром ишан разбудил учеников и погнал их на работу. Сопи копали для муллы землю и обра-

¹ Кеминэ — бедный поэт, приключения которого дали основание для создания многих народных сказок и анекдотов, в которых он высмеивает богатых и особенно мулл.

² Сопи — ученик.

батывали его поля. Сам же мулла заложил руки за спину и ходил между работающими, наблюдая за ними.

Кеминэ тоже заложил руки за спину и стал ходить между работающими.

— Что ты лентяйничаешь? — накинулся на него ишан.— Ты же говорил, что хочешь стать моим учеником; так и делай то, что делают другие ученики.

Кеминэ покачал головой.

— Ты что-то перепутал,—сказал он.—Я приехал к тебе учиться, а не к ученикам. Вот я и делаю то, что делаешь ты, мой учитель.

Ишан только теперь понял, кто приехал к нему, и, чтобы у Кеминэ не было оснований для насмешек, он взял лопату и работал весь день так же, как и его сопи.

О НАВОЗНОМ ЖУКЕ

Н

аступил праздник курбан-байрам, и ишана пригласили из далекого аула на похороны.

Кеминэ стал просить, чтобы взял и его.

Ишан согласился. Пошли к конюшне седлать коней. По тропке через двор под ногами полз жук-навозник, который толкал перед собой большой комок навоза.

Ишан был в хорошем настроении, так как поездка сулила большой барыш.

Он посмотрел на жука и пошутил:

— Смотри, Кеминэ. Это — не навозник. Это туркмен-бедняк свои пожитки на себе тащит.

И пошел к коням.

Кеминэ задержался около жука, тронул его палочкой, и навозник сразу остановился и поднял обе передние ножки.

— Эй, ишан,— закричал Кеминэ.— Ты ошибся. Он не бедняк, этот навозник. Он — мулла. Я его остановил, а он сразу обе руки поднял для благословения. Верно, подумал, что я ему заплачу за это.

— Вот чёрт,— сказал тогда ишан.— За тобой всегда последнее слово останется.

— Как за муллой последняя копейка,— быстро отозвался поэт.

ДОРОГА В РАЙ

Чтобы отвлечь внимание туркменов от слов Кеминэ и поскорее перейти к тому, что больше всего интересовало его на похоронах, ишан стал рассказывать собравшимся о прелестях загробной жизни в раю.

— Очень трудно попасть туда, — сказал ишан. — Ведет туда через глубокую и широкую реку длинный мост по названию Тульфат. Он такой узкий — этот мост, как проволока: через него ни пройти человеку, ни проехать...

— А как же попасть туда, в рай-то? — спросили туркмены.

— Для верующего человека это нетрудно, — ответил ишан. — Каждый туркмен должен жертвовать ишану как можно больше баранов. После смерти только эти бараны и смогут перевезти всех через непроходимый мост — Тульфат.

Здесь было два чопана¹.

Кеминэ словно бы и не слышал слов ишана. Он подошел к чопану и стал спрашивать громко, чтоб слышали все.

¹ Чопан (чабан) — пастух.

— Приходилось ли тебе когда-нибудь баранов по мосту гнать?

— Приходилось, — отвечает чопан.

— Ну, так скажи, как легче баранов по мосту гнать: когда их много или когда их мало?

— Да баранов по мосту никак не погонишь, — отвечает чопан, — особенно когда их много. Они друг друга давят, толкают. И если один с моста в реку прыгнул, туда попрыгают и все остальные.

Тогда Кеминэ обернулся к ишану и говорит:

— Ишь ты, как заврался, ишан. Ты, значит, захотел, чтобы эти туркмены никогда рая не видали. Если они станут жертвовать тебе баранов, бараны перетолкаются на мосту Тульфат и все попрыгают в реку, а вместе с ними попадут в реку и туркмены.

Ишан очень рассердился и стал быстро собираться домой, так как ему никто ничего не хотел жертвовать в этот раз.

МУЛЛА-ИШАН

П

охороны кончились. Ишана пригласили в кибитку поесть и чаю попить.

Там его встретили с почетом и посадили на самое главное место, а у Кеминэ одежда никуда не годится, но так как он приехал вместе с ишаном, дали место и ему.

Он сел в сторону и взял чашку. И стал так громко хлюпать, что невольно все обернулись на него.

Ишан и говорит:

— Ты тише должен чай пить. Нехорошо так.

Кеминэ отвечает:

— Почему тише? Это когда люди воровать привыкли, они все норовят тихо делать. А я никогда ни у кого ничего не украл.

Ишан понял, что Кеминэ намекает на него, и обиделся.

— Потому надо тише, что неприлично хлюпать. Ты пьешь так громко, что можно подумать—это верблюд,— сказал он.

— Это верно,— подхватил Кеминэ,— бедный человек работает, как верблюд, и когда он пьет, тоже можно подумать, что это верблюд. Вот если бы я был ишаном, я бы стал пить совсем тихо, тогда всякий был бы вправе сказать, что это пьет ишан.

ИШАН И КОБЫЛА

Ишан был трус, и потому никогда не садился на жеребца, предпочитая ездить на кобыле. Чтоб над ним не смеялись, он, влезая на лошадь, стал рассказывать:

— Очень хорошая лошадь. И главное, от нее выгоды много. Каждый год она приплод приносит. Я в нее деньги, словно в казначейство, положил. Ходи только и получай проценты.

Кеминэ подошел к лошади, поднял у нее хвост и сказал:

— А это, верно, дверь в казначейство. И часто тебе, ишан, приходится заглядывать сюда?

Туркмены стали смеяться над ишаном. И он поехал домой, ничего не заработав и к тому же опозоренный.

КТО ГЛАВНЫЕ ЧЕРТИ

Ишан и Кеминэ после похорон поехали домой. Ишан был очень сердит и всю дорогу молчал, так как знал, что с Кеминэ лучше не связываться — всё равно последнее слово останется за поэтом. Так он молчал, пока не увидел двух бахши¹, которые спешили в соседний аул на свадьбу. Завидев ишана, они быстро спрятали дутары² под халаты.

Ишан был рад сорвать на ком-нибудь свою злость

— Вот черти,— сказал он, обращаясь к Кеминэ.— Чуть где веселье, там сейчас и они со своими дутарами, как черти с хвостами.

Кеминэ засмеялся и сейчас же ответил:

— Ну, это еще не главные черти, которые появляются там, где народ веселится. Главные черти те, которые тут как тут, когда человек умрет.

Как только человек умрет, сейчас же посылают за ишаном, и так как мулла Пир ехал с похорон сейчас, то и выходит, что Кеминэ назвал чёртом самого ишана, и опять тот не мог ни к чему придраться.

¹ Бахши — народный певец.

² Дутара — музыкальный инструмент.

Я БЫ ТАКОГО УЧИТЕЛЯ УБИЛ

И

шан не мог больше сдерживаться и сносить насмешки Кеминэ.

Он подъехал к поэту на своей смирной кобыле и стегнул его лошадь кнутом.

Кеминэ увидел, что теперь уже не только словом надо драться с ишаном, взял камень, стащил ишана с лошади, избил его, а кобылу убил.

После этого он ускакал в город, а ишан остался один в степи, избитый, и кобыла его была мертва. Он и сам чуть не умер от усталости, пока добрался до города. Он очень исхудал, и было похоже, словно он сильно болел.

Поджидавшие его ученики стали спрашивать:

— Что такое с вами случилось, учитель?

Ишан отвечает:

— Стала моя лошадь брыкаться, взбесилась, я насилу справился, убил ее. Только и мне тоже сильно от нее досталось.

А один ученик и говорит:

— Видел я Кеминэ. Он рассказывал, будто это он вас так сильно избил и лошадь вашу тоже он убил.

Ишан увидел, что не будет ему уважения и покоя, раз попался он на язык Кеминэ. И он решил помириться с поэтом.

Позвал Кеминэ. Кеминэ приходит:

— Здравствуй, ишан. Что это ты похудел так?

— Вот заболел в дороге, — ответил ишан обрадованно. Он подумал, что Кеминэ и сам не хочет вспоминать про драку.— Измучился и похудел, прямо как собака.

— Ну, ничего, — подхватил Кеминэ, — отдохнешь и снова будешь такой же толстый, как свинья.

Ишан стерпел и это и стал выговаривать Кеминэ:

— Нехорошо, Кеминэ. Передают, что ты про меня небылицы всюду рассказываешь, будто между нами драка была и ты меня избил.

— Кто это говорит? — вскричал Кеминэ.

— Сопи.

— Как он врет, этот сопи. Верно говорит пословица: каков учитель, таковы и ученики. Если я встречу его учителя, я его до смерти изобью.

АЗЕРБАЙДЖАНСКИЕ СКАЗКИ

МУЛЛА И ДЕХКАНИН

Жил-был мулла. Он был очень жадный. Когда молился богу, то просил у него столько разных вещей для себя, что если бы бог послал ему всё это, то у него самого ничего не осталось бы. Его даже муллы боялись, прятали от него свое добро, чтобы он хитростью не выманил его.

Жил в то время один бедный дехканин¹. Было у него всего добра — две овцы. Узнав об этом, мулла и сказал себе:

«Зачем бедному такое богатство — целых две овцы? С него хватит и одной».

И стал думать, как бы выманить овцу. Приходит раз в гости к дехканину и говорит:

— Какое великое несчастье постигло нас! Бегают возле твоих ворот чья-то овца (а то была овца дехканина), большая проказой.

Испугался дехканин, что его могут теперь прогнать из кишлака, и попросил муллу:

¹ Дехканин — крестьянин.

— Уважаемый мулла, ты праведный человек, тебе бояться нечего. Прогони от моего дома проклятую овцу и убей!

Мулла с радостью согласился. Погнал к себе овцу и стал благодарить бога.

Прошло время. Приходит как-то дехканин к мулле и видит у него во дворе свою овцу — совершенно здоровую. Догадался тогда дехканин, что обманул его мулла.

А мулла был очень жадный. Он сидит и думает:

«Зачем бедному такое богатство — овца. Он и без нее проживет».

И решил еще раз обмануть дехканина, выманить последнюю овцу.

Видит дехканин, что идет к нему мулла, обмотал себе голову и руки тряпками и приказал жене плакать. Входит мулла, удивляется. Спрашивает, в чем дело? Дехканин говорит:

— Не ошибся ты, праведный человек, и вправду овца была больна проказой. Она, проклятая, заразила и другую овцу и меня. И если бы ты не убил ее, она бы всех заразила.

Сильно испугался мулла. Скорей побежал домой, выпустил овцу дехканина и всех своих овец и погнал их к дехканину.

— Забирай их всех, проклятый обманщик!

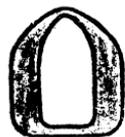
А сам заперся у себя, боялся выйти и со страха скоро умер. А дехканин зажил счастливо.

ТАДЖИКСКИЕ СКАЗКИ

СКАЗКА О ХАДЖИ ТИЛЬКИ И ПРАВОВЕРНЫХ ПИЛИГРИМАХ

Однажды петух, курица, индюк, гусь и утка решили пойти в Мекку на поклонение святым местам. Вот двинулись они в путь, а дорога была не близкая. Шли они, шли — сорок дней и сорок ночей шли, а на сорок первый день встретился им на дороге в лесу лис Тильки, который так же, как и они, был облачен в одежду хаджи. Тильки ласково поклонился паломникам и приветствовал их:

— Салам алейкум, хаджи агалар! В какие края направил аллах ваши благоверные стопы?

— Алейкум салам, ага,— ответили пилигримы.— Держим мы путь, коли на то будет воля аллаха, в Мекку, на поклонение бороде пророка. По твоему облачению видим мы, что и ты тоже решил замаливать свои грехи у священного камня Каабы.

— Совершенно верно, дорогие друзья,— ответил хитрый лис,— вы угадали мое намерение. Я так же, как и вы, направляюсь в Мекку и принял бы за великую честь, если бы вы сочли меня достойным себе спутником и по-

зволили присоединиться к вашему благочестивому обществу.

— Отчего же, — сказал гусь, — мы с радостью примем тебя в свою компанию, кого же и принимать нам в товарищи, если не тебя — святого хаджи, благородного пилигрима?

Обрадованный лис тотчас же присоединился к путешественникам и начал обдумывать, какую бы хитростью заманить их в свою нору. Вскоре богомольцы поравнялись с его жилищем, и Тильки обратился к ним с почти-тельной речью:

— О друзья мои, благословенные Мухаммедом. Идете вы из далеких стран и, как я вижу, сильно утомились. Не откажите, прошу вас, принять мое гостеприимство, да наградит вас за это великий аллах. Войдите в мой сераль и отдохните как следует. А завтра подкрепимся, помолимся всем джемаатом богу и с новыми силами двинемся в дальнейший путь.

— Велик аллах, пославший нам тебя в счастливый час, добрый хаджи! — воскликнула курица. — С радостью примем мы приглашение и воспользуемся твоим гостеприимством.

— Как видно, сам пророк посоветовал тебе сделать такое добродетельное предложение, — добавил индюк, утомившийся больше всех. — Да будет благословен час, когда мы встретили тебя!

А утка подняла глаза к небу и воздала про себя восхваление аллаху.

Вся процессия тотчас же направилась в сераль ласкового хозяина. Но петух, который всегда во всем сомневался, почуял в приглашении что-то неладное, остановился у самой норы и заявил:

— О святой хаджи! Нет предела твоей благодетели и благочестию! Пусть имя твое будет восхваляться каждым правоверным и дела твои, записанные в книгу

пророка, станут примером для всех ищущих святой жизни. Но позволь мне, прежде чем осчастливить себя посещением твоей благословенной обители, немного побыть здесь на воздухе, чтобы подготовиться к столь высокой чести.

С этими словами петух поднялся на самую высокую ветку соседнего дерева и стал следить за тем, что будет дальше. А лукавый хаджи Тильки, впусив пилигримов в комнату, закрыл за ними дверь и незаметно запер их на замок. Потом он обратился к гостям и сказал:

— А ну-ка, дорогие гости, предъявите документы, подтверждающие ваше происхождение и род занятий.

Удивленные паломники в один голос заявили, что документов они с собой не взяли, так как считали, что чалма на голове является самым лучшим доказательством их благочестивых намерений.

— Так, значит, вы не знаете законов султана! — воскликнул лис. — Ведь мы находимся в его владениях, а всякий вступающий в эту страну обязан предъявить доказательство своей благонадежности. Так как документов у вас нет и вас всё равно повесят, то не лучше ли будет, о правоверные, если я вас, да продлит аллах ваши дни, съем и тем самым спасу от неугодной богу смерти.

Так как двери были заперты и гостям всё равно деваться было некуда, то пришлось согласиться с убедительными доводами хозяина. И добрый Тильки, вняв желаниям пилигримов, отправил их души навстречу святому фериште.

Когда же и от индюка остался только хвост да косточки, наступил рассвет и подошел час утренней молитвы.

Петух, который сидел всю ночь на дереве, захлопал крыльями и стал призывать правоверных к восхвалению пророка.

— Ля иллях иль алла, кукареку!! — кричал он во

всё горло.— Нет бога, кроме бога, и Мухаммед пророк его. Кукареку, о правоверные!!

Тильки услышал священный призыв и вышел из сералья, чтобы приготовиться к молитве. Увидев, что это зовет петух, он поклонился ему и сказал:

— О благоверный мулла, спускайтесь с минарета и пойдите совершим намаз вместе в моей сакле. Я хочу, чтобы вы присоединились ко всему благочестивому джемаату!

— О святой хаджи,— ответил на это петух.— Мне кажется, что спутники мои уже покинули твой сераль. А ты разве не знаешь, что согласно воле пророка из двух человек составить джемаат нельзя. Аллах всё равно не примет такой молитвы. Впрочем, утешься. Вон там, я вижу, приближается к нам охотник с двумя собаками. Сейчас они будут здесь, впятером мы составим законный джемаат и сообща воздадим утреннюю хвалу пророку.

— Хорошо,— сказал лис,— только подожди меня минутку. Я вспомнил сейчас, что еще не подготовил омовения. Я в одно мгновение сбегаяю, чтобы сделать необходимые приготовления, и немедленно же вернусь сюда.

И, не дожидаясь ответа петуха, добродетельный хаджи с такой быстротой устремился в чашу леса, что только его и видели. А находчивый «мулла», видя, что нельзя терять ни одной минуты, прыгнул со своего «минарета» и пустился бежать в другую сторону, воздавая аллаху единолично хвалу за свое спасение.

О БЛАГОЧЕСТИВОМ АРАБЕ И ЕГО ПЕТУХЕ

дин дервиш шел в Мекку. Как и подобает святому мужу, он не имел с собой ни одного пиастра¹ и жил за счет тех, кого встречал по пути...

Путь был тяжел, и наш богомolec понемногу стал уставать...

Пройдя еще четыре фарсага², дервиш окончательно обессилел. До Мекки было еще очень далеко, солнце палило немилосердно, а пустой желудок напоминал о себе. К счастью, по пути встретился маленький оазис, обнесенный стройными пальмами, из-под которых журчала чистая, прозрачная вода. Посмотрел божий человек на деревья, потом на дорогу, поднял глаза на солнце, вспомнил, что с утра еще ничего не ел, и, свернув с дороги, зашагал к дому. Навстречу ему вышел бедный обитавший здесь араб.

Гость — дар божий, особенно если он служитель аллаха. Араб пригласил дервиша, накормил, напоил его и положил спать на своей постели.

Прошло три дня. Бедняк выбивался из сил, чтобы как можно лучше угощать божьего человека, который и не думал уходить.

¹ Пиастр — мелкая монета.

² Фарсаг — мера длины на Востоке.

Прошла неделя. Дервиш вовремя, четыре раза в день садился за стол и засыпал на постели хозяина.

— Господин мой,— обратилась напуганная жена к арабу,— не пора ли нашему гостю продолжать путь к святым местам? Он нас объедает, а мы люди бедные, и детишки наши воют от голода.

— Великий грех выгонять из дому благочестивого странника.

Прошла еще неделя. Еще раз, но уже настойчивее, говорит арабу жена:

— Господин мой! Воля твоя, но надо нам избавиться от божьего гостя. Нам скоро самим есть нечего будет, а аппетит у него растет с каждым днем.

— Ничего не поделаешь,— согласился муж, оставил работу и пошел к дервишу.

Дервиш сидел под пальмами, опустив ноги в ручей, и, дожевывая баранью ногу, размышлял о вращении звезд. Хозяин смиренно приблизился к нему и робко молвил:

— Достопочтенный отец, я тысячу раз благословляю и благодарю тебя за то, что ты осчастливил своим присутствием мой бедный дом. Но, к стыду моему (видит аллах, что я говорю правду), сегодня мы прикончили последнего барана и доели последний запас фиников.

Дервиш с важностью кивнул головой.

— Да будет так. Разбуди меня завтра чуть свет, чтобы я на заре сотворил утренний намаз и мог продолжать свой путь на богомолье.

Утром, едва лишь побледнели звезды и заалел восток, хозяин дотронулся до плеча гостя:

— Проснись, божий человек. Пора и в путь. Уже пропел петух.

— Как, у тебя еще есть петух? — удивился дервиш и, повернувшись на другой бок, продолжал сон.

МУШФИКИ И БОЛЬНОЙ ИМАМ

В одну из ночей месяца поста — рамазана, когда есть разрешается только ночью, к Мушфики пришел квартальный имам:

— Я задыхаюсь, я разрываюсь, Мушфики! Полечи меня, спаси мою душу!

Мушфики спросил, что сегодня ел имам.

Имам ответил:

— Что мог я в дни поста съесть особенного? Ну, каких-нибудь три лепешки, когда у соседа началось разговенье... Да, кажется, еще чашку нишалло; потом был сварен суп, так я съел его всего полторы чашки. Потом, правда, мне пришлось попробовать пирожки, которые испек другой мой сосед... Не мог же я, в самом деле, его обидеть? Впрочем, я съел всего штук тридцать — сорок, не больше!

— Фрукты тоже кушали? — спросил Мушфики.

— Да так, немного... Ну, сколько ломтей дыни уместится на одном подносе? Еще — поднос винограда да пять-шесть груш...

— Да... Для облегчения вашей души я могу посоветовать вам только одно средство. Вам надо подняться на холм. Выройте там углубление в три-четыре аршина, ляг-

те в него лицом вверх и попробуйте сыпать на себя землю... Пусть поверх земли положат от тридцати до сорока кирпичей, пять-шесть мраморных плит, а сверху обмажут их алебастром... И вы можете быть совершенно уверены, что тогда ваша душа освободится от вашего недуга, а душа народа — от вас!

ШАШЛЫК ПО ПОВОДУ СВЕТОПРЕСТАВЛЕНИЯ

У

Мушфики однажды оказался жирный баран. Несколько мулл порешили заставить Мушфики устроить им хорошее угощение.

— Знаешь, Мушфики, завтра будет светопреставление. Советуем тебе сегодня же зарезать твоего барана и приготовить нам добрый шашлык!

Мушфики не мог отказать муллам, и все вместе пошли к реке, где было решено жарить шашлык. Пока мясник свеживал барана, муллы разделись и стали купаться.

Мушфики, как хозяин, разжег костер. Но внезапно с досады схватил в охапку всю одежду мулл и кинул ее в огонь.

— Эй, Мушфики! — послышался крик из воды. — Ты с ума сошел, оставил нас голыми! Что мы теперь будем делать?

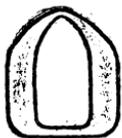
Мушфики ответил:

— Но завтра же светопреставление! Зачем вам одежда?

ДАРЫ ПАДИШАХА И БОГА

днажды Афанди случайно угодил падишаху.

— Проси у меня всё, что хочешь! — сорвалось с языка падишаха.

Поразмыслив о необычайной милости властелина, Афанди сказал:

— Раз вы хотите сделать мне подарок, то подарите мешок золота, чтобы остаток своей жизни я мог прожить безбедно с женой и детьми!

Но падишах уже опомнился и потому, приказав казначею выдать Афанди запечатанный мешок, чуть заметно подмигнул.

Сказав: «Повинуюсь, господин», — казначей вышел. Получив увесистый мешок, Афанди, радостный, понес его домой.

— Ликуй, жена, — сказал он. — Теперь у нас и котел жирный, и ложка жирная; если хочешь, одевайся каждый день по десять раз в разные платья, покупай себе десять сортов усьмы и сурьмы, пудры и кармина, ходи хоть по десять раз на день в баню, — на всё я тебе дам денег. А пока поди сюда, и давай посчитаем это золото вместе — один я не справлюсь со счетом!

Афанди отрезал печать на мешке, опрокинул его, но вместо золота посыпались мелкие камешки.

Ошеломленный Афанди посмотрел на небо, потом на землю и, опустив голову, глубоко задумался.

— Что всё это значит? — спросила встревоженная жена. — Кто дал вам эти камни, и зачем вы их принесли?

— Это значит падишах исполнил мою просьбу, подарил мне мешок золота. А я нес его сюда. Ведь не дурак же я, чтобы приносить мешок с камнями! — ответил негодую Афанди.

— И падишах не дурак, чтоб давать вам мешок золота, — сказала укоризненно жена. — Вы не у падишаха просите золота, а у бога!

— Это ты верно говоришь, жена!

После омовения, обратив лицо к Мекке, Афанди опустился на колени и воздел руки к небу: «О боже, о всемогущий, пошли мне из твоей сокровенной казны мешок золота!».

Наступил вечер, прошло время последней вечерней молитвы, наступила полночь, а Афанди всё продолжал молиться, но золото из сокровенной казны не появлялось.

«Может быть, я тихо молился, и бог не услышал моей молитвы? Может быть, надо молиться громче?» — подумал Афанди и стал во весь голос выкрикивать слова своей молитвы.

Спавший сном праведника сосед пробудился от дико-го крика Афанди и, бормоча: «Что это такое?», — полез на крышу своего дома. Оттуда он увидел Афанди, громко просящего у бога золота. Сосед постоял немного, понаблюдал за Афанди, но не вытерпел и, отколупнув от стены полкирпича, бросил его в Афанди.

Услыхав звук чего-то упавшего неподалеку, Афанди радостно воскликнул:

— Жена! Неси скорее светильник, бог послал нам золота из своей сокровенной казны!

Жена принесла светильник. Афанди увидел обломок жженого кирпича и, подумав: «Хорошо еще, что бог не угодил мне этим кирпичом в голову!», обратился к жене:

— Теперь ясно — бог с падишахом заодно!

ХАЛАТ, УГОЩАЕМЫЙ ПЛОВОМ

Насреддин Афанди пошел на свадьбу к баю в старом, простом халате. В комнату, где сидели бай и муллы, его не пустили, а посадили вместе с другими бедняками с краю на террасе. Знатным гостям несли множество вкусных блюд, а беднякам подали только объедки.

Не дотронувшись до этой еды, Афанди ушел со свадьбы, но вскоре вернулся в шелковом халате с широкой тесьмой вокруг ворота. Чалма на его голове была намотана, как у муллы.

Слуги почтительно провели Афанди к хозяину дома, а тот со словами: «Пожалуйста, пожалуйста» — усадил гостя на почетном месте рядом с имамом. Перед Афанди раньше всех поставили большое блюдо плова с куриным мясом.

Хозяин и имам уважительно обратились к Афанди:

— Пожалуйста, господин, кушайте!

Афанди сунул в плов рукав своего нового халата и не отнимал руку.

— Что это значит? — спросил удивленный имам. — Зачем вы пачкаете жиром свой дорогой халат?

— Этот плов и всё оказываемое мне уважение принадлежат лишь моему шелковому халату, он и должен кушать плов! Когда час назад я пришел сюда в старом халате, никто на меня не обратил внимания и мне были поданы лишь обеды!

УЗБЕКСКИЕ СКАЗКИ

СТАРИЧОК И МУЛЛА

М

улла говорил перед народом о страшном мосте, через который должен пройти человек на том свете.

— Он тоньше волоса, острее сабли, — говорил мулла.

Тут встал старичок и спрашивает муллу:

— А нельзя ли, чтобы этот мост остался тому, кто его построил? Ей-богу, нам он не нужен.

ЧУДОТВОРЕЦ

ил эфенди по имени Сифи. Он проделывал разные чудеса, приписывая их божеской силе.

Как-то раз зимой, отправляясь странствовать, он намылил руки. Затем высушил их, не смывая пены. Его сопровождало много верующих. Прочел эфенди проповедь, совершил славословие аллаху, затем остановился и велел принести себе снегу. Поднял он глаза к небу и произнес:

— О аллах! Если то, что я говорил, — правда, пусть от этого снега образуется мыльная пена. Если же я лгал, пусть с рук моих течет чистая вода.

Заранее намыленные руки, в которых таял снег, покрылись пеной. Окружавшие были поражены великой силой молитвы Сифи.

Эфенди насухо вытер руки и отправился далее. Затем вновь остановился и опять велел принести себе снегу. Взял он снег в руки, но молился уже иначе:

— О аллах! Коль слова мои — правда, пусть на этот раз от снега образуется не пена, а чистая вода. Да будут посрамлены злые силы.

Снег таял в теплых руках, и с них стекала чистая вода. Это еще более укрепляло веру учеников Сифи.

Кругом были люди неграмотные, и эфенди говорил:

— Принесите мне книгу, я подержу ее в руках и по весу определю, сколько в ней страниц.

Он посмотрел на обозначение счета страниц в книге, сделал вид, что взвешивает ее, и важно объявил количество страниц.

Неграмотные люди для проверки старательно пересчитывали листы по одному, уверяясь в правильности определения листов по весу книги, и поражались великой мудрости Сифи.

НЕ ГОВОРИ „ДАЙ“

крестьянин увидел — тонет в реке мулла. Подбежал крестьянин к берегу, протянул руку и закричал:

— Мулла, дай поскорее свою руку. Давай же!

Мулла был близок к берегу, легко мог бы достать протянутую ему руку. Но только мулла услышал слова крестьянина, он стал изо всех сил отталкиваться от берега.

Другой крестьянин видел всё это. Он хорошо знал мулл и потому закричал спасавшему:

— Эй-эй, чужак! Не говори — «дай!»: мулла никому ничего не дает, он только берет со всех. Скажи ему «на», а не то он из-за своей жадности утонет.

Тут крестьянин, спасавший муллу, протянул опять руку, но со словами:

— На, на, мулла, на, возьми.

Мулла что было сил бросился к крестьянину и жадно схватил обеими руками протянутую руку.

Так был спасен утопающий мулла.

КАК МУЛЛЫ ГУСЯ ВАРИЛИ

авно когда-то сидели двое мулл около мечети. Шел мимо них охотник и нес с собой гуся.

— Вот бы нам подкрепиться этим гусем,— сказал один мулла.

Они окликнули охотника, тот подошел. Муллы стали просить у охотника гуся.

— Хорошо, берите, вместе будем есть,— сказал охотник и отдал им свою добычу.

Муллы взяли гуся и стали его варить. Когда гусь сварился, муллы начали договариваться:

— Давайте ляжем спать. Кто увидит самый лучший сон, тот и съест гуся.

Вот все трое легли спать. Когда муллы уснули, охотник встал потихоньку и съел гуся с похлебкой. Муллы проснулись и спрашивают друг друга:

— Ты что видел?

— А ты?

— Я видел,— говорит один мулла,— будто бы я возношусь на небо.

— А ты что видел?

— Я,— отвечает другой мулла,— заснул и вижу, будто бы я еду по морю.

— Что же ты видел? — спросил тогда охотника.
Охотник и говорит:

— А я вижу: ты улетел на небо, а ты уплыл в море;
думаю, пока вы вернетесь, пропадет гусь понапрасну,
взял да и съел его.

БАРАШЕК МУЛЛЫ

У

муллы Шабана был барашек. Получил он его от Абдул Гафура за заговор овец от волка.

В день курбан-байрама¹ мулла призывал в мечети молящихся к жертвоприношениям.

— Каждый заколотый и розданный по кускам соседям и близким в этот день баран освобождает мусульманина от его грехов,— говорил мулла.

Жена его Айша была очень религиозна. Услышав эти слова, она поспешила домой, заколола барашка и роздала мясо соседям.

Вернувшись домой, мулла прежде всего заглянул к барашку. Не найдя его, он испуганно спросил Айшу:

— Жена, где барашек?

— Я его зарезала,— ответила она.

— Зачем резала? — спросил он сердито.

— Ты же поучал народ, что жертвоприношение — богоугодное дело.

— Да погибнуть тебе, глупая тварь! — крикнул яростно мулла.— Ведь я это говорил в надежде, что доля чужой баранины достанется и нам.

¹ Курбан-байрам — религиозный праздник у мусульман.

ГРУЗИНСКИЕ СКАЗКИ

БЕДНЯК И СВЯТОЙ

Ношел раз бедняк на базар продавать своего быка. Придя туда, он спросил первого попавшегося ему мясника:

— Купишь быка?..

— О каком быке ты говоришь? Ведь у тебя коза,— ответил ему мясник.

— С ума ты сошел! Какая коза? Не видишь, что ли, что это бык?

Махнул бедняк на торговца рукой и погнал быка дальше. Вскоре встретился ему второй торговец и спрашивает:

— Сколько стоит твоя коза?

— Что такое? Или я с ума сошел, или вы все? — произнес удивленный бедняк.

К третьему торговцу обратился он:

— Не купишь ли быка?..

— Да это же не бык, а коза,— услышал он знакомый ответ.

— Ничего не поделаешь,— сказал бедняк.— Вы трое утверждаете, что это коза. Пойдем к святому и разрешим недоразумение.

Пошли.

Придя, бедняк сказал святому:

— Мы явились к тебе спросить: мясники превратили моего быка в козу... Ты же видишь, что это бык?..

— Какой бык? Это — самая настоящая коза! — воскликнул святой.

— Ну, что же делать? Видно, и в самом деле мой бык стал козой.

— А сколько, по-твоему, стоит моя коза? — спросил бедняк у святого.

— Рубля три,— ответил святой.

Бедняк продал быка за три рубля, но попросил у мясника: после того, как быка зарежут, вернуть ему хвост.

Получив три рубля и хвост, бедняк вернулся домой.

Прошло несколько дней. Бедняк услышал о том, что его знакомый святой заболел. Узнав об этом, он сбрил усы, бороду, переделся и отправился в село, где жил святой. Сосед святого, у которого бедняк остановился на ночлег, спросил у своего гостя:

— Чем ты занимаешься?

— Лечу больных,— ответил бедняк.

«Он может помочь святому»,— решил хозяин и повел бедняка к соседу.

Осмотрев больного, бедняк заявил:

— Через три дня я тебя вылечу, но предупреждаю: мои лекарства очень неприятны. Ты должен три ночи молча терпеть лечение. Если за это время ты хоть раз крикнешь или кто-нибудь войдет к нам, то от моего лечения не будет никакой пользы.

Святой хотел скорее вылечиться, поэтому и согласился на все условия.

Ночью бедняк явился к больному и начал ласково расспрашивать:

— Что у тебя болит? Как ты себя чувствуешь?

Святой рассказал.

Тогда бедняк вынул из кармана бычий хвост и три дня и три ночи лупил им святого, приговаривая:

— А ну, скажи теперь, бычий или козий это хвост?

Больной по уговору терпел и молчал. Прочувив таким образом святого, бедняк спокойно ушел домой.

ЭТАКОЕ И ХУЖЕ ЭТАКОГО

Ж

ил один бедный крестьянин, ни земли у него не было, ни крошки в доме. Стояла одна ветхая джаргвала¹, которую по бокам подпирали и подкрепляли бревнами, чтоб ее ветер не унес.

Привел жену из дальней деревни. А она попалась дельная, работающая.

Вот однажды, вскоре после заемных дней², жена говорит мужу:

— Мужик, пойди обработай какое-нибудь поле. Своего нет, так хоть казенную землю вспаши, всё что-нибудь достанется.

Побежала жена к соседям, попросила плуг, быков и привела их мужу.

— Ты иди на работу, а я сварю обед и принесу тебе в поле.

Пошел муж. Шел, шел, пришел к Кодорской горе. Там, возле Датунашвиловых полей, нашел казенные земли и стал пахать. Пашет и пашет мужик. Уж три раза прошел. Пашет и пашет.

¹ Джаргвала — помещение наподобие шалаша.

² Заемные дни — так называют в Грузии три первых дня апреля.

Вдруг стали быки. Взмахнул мужик палкой.

— Аший! — кричит.

Потянули быки и опять стали. Видно, плуг за что-то зацепился. Ударил мужик палкой, потянули быки что было силы и выбросили наверх огромный, с небо и землю, сундук.

Испугался мужик, задрожал весь: «Погиб я, погубил и семью. В этих казенных землях, видно, что-то было зарыто, а я и отрыл. За это наш царь меня повесит».

Открыл сундук и видит, что полон он золотой монетой. Разве две-три монетки из серебра или меди, а то всё золото.

Плачет мужик: «Донесет кто царю про это, убьют меня».

Сидит бедняк, плачет. Вдруг видит — идет поп. Поп в деревне отслужил службу, наполнил хурджин¹ добром — курами да хачапурами² — и сам нажрался, — еле тащит его бедный мул.

Пожалел поп бедняка.

— Сын мой, что за несчастье над тобой?

— Так и так мое дело, — говорит бедняк.

— Это ничего, — утешил его поп, — я тебе помогу, ты только подсоби мне пересыпать всё это золото в мой хурджин.

Обрадовался бедняк.

Очистил поп весь сундук. Все крупные золотые монеты в свой хурджин пересыпал, а бедняку дал немного мелких медных монет.

— Бери, ничего, я помолюсь господу, и царь тебе простит.

В этих хлопотах прошел и полдень. И поп, и бедняк порядком проголодались.

¹ Хурджин — ковровая сумка.

² Хачапура — пирог, начиненный свежим сыром и яйцами.

Смотрит мужик — идет жена, несет обед и кувшин вина

Побежал мужик и обрадовал жену, как он спасся от беды.

— Так и так было мое дело, а вот поп, божий посол, спас меня.

Рассердилась жена:

— Я тебе задам за твою глупость!

Да что уж делать? Золото всё у попа. Позвала жена попа обедать, сама шепнула мужу:

— Спросит поп, как меня зовут, скажи: «Этакое», а тебя «Хуже этакого».

Сели обедать. Наливает женщина попу полную матара¹. Хлещет и хлещет поп чхаверское вино.

— Раз уже настолько меня уважаете, скажите хоть имена ваши,— говорит поп.

Толкнула жена мужа в бок, и назвался он, как она велела. Нахлестался поп, да так, что и на ногах не стоит.

— Сестра моя,— просит поп,— положи меня где-нибудь поспать.

Оттащила его она, прислонила тут же к дереву. Заснул поп.

— Ану, живей,— говорит жена мужу,— клади хурджин с золотом на мула, садись на него сам и скачи домой.

Так и сделали. Взвалил мужик на попова мула хурджин, полный золота, сел сам, погнал вперед быков и поехал.

А поп знай себе храпит. Побежала жена к соседям, достала ножницы, подошла к попу. Спит поп — хоть из пушек стреляй.

Остригла жена полбороды и половину усов у попа, отнесла хозяевам ножницы и побежала за мужем.

¹ Матара -- кожаный складной стаканчик для питья.

Проснулся поп к сумеркам. Смотрит — ни крестьянина, ни его жены, ни мула, ни хурджина с золотом. Что делать? Вскочил поп и понесся вдогонку за мужем и женой. Бежит и видит — крестьяне в поле работают:

— Здравствуйте! — говорит поп.

— Здорово! — отвечают крестьяне.

— Не видали ли вы Этакого, не проходил здесь? Рассмеялись крестьяне.

— Нет, этакого нигде не видали,— говорят.

Побежал поп дальше. Опять крестьяне в поле работают.

— Здравствуйте! — кричит, сам еле дышит.

— Здорово,— отвечают те.

— Хуже этакого не видали ли где? — говорит поп.

— Хуже этакого трудно увидеть,— смеются люди: —

Выстриг себе поп полбороды и бегаёт.

Схватился поп за бороду и понял всё.

— Ах, это они, чёртовы слуги, муж с женой со мной сделали!

Так остался поп в дураках.

ДАГЕСТАНСКИЕ СКАЗКИ

МУЛЛА И ОБМАНЩИКИ

В базарный день, купив козу к Курбан-Байраму, Мулла повел ее домой. Вдруг — чудеса! Трех путников нагнав, он услышал: — Я сраму Такого не видал: мулла — и тащит пса!

— Паршивого, к тому ж. Пса этого, бродягу, Я знаю. Псы-бродяги — злы.

Пес этот искусал намедни Махтумагу

И — подозрительно! — не трогает муллы.

— Пес оскверняет твой халат! Эх, ты, неряха, Какой же ты мулла? Святей из нас любой.

— Тот, кто не моется, не признает аллаха.

Псов правоверные не водят за собой!..

Поверив шутникам, мулла с великим страхом

Взмолился пред аллахом,

Чтоб отвести его грозу.

И — отпустил козу.

Он дома свой халат обмазал глиной¹,
Чтоб от него не отдавало псиной.
Коза мемекала вдали:
Ее обманщики с собою увели!

¹ Собака у мусульман — нечистое животное, противное аллаху.

СКАЗКИ КОМИ

РАНО ПРОСНУЛСЯ

Батрак Яков наработался на кулака, целый день не ел, голодный спать лег. Спит и сон видит: стоит изба, а на дверях крупными буквами надпись: «Здесь рай, и бедных бесплатно кормят».

— Входи, милый брат, входи,— говорит ему святой с широкой бородой,— нынче твой праздник. Садись и хлебай что хочешь: ши мясные, кашу пшеничную, кисель.

«Вот, — думает Яков, — дождался, наконец. Пятьдесят лет прожил, а не видал, чтобы бедных кормили; видел лишь, как богачи лопают».

Сел за стол и ложку ищет.

— Сюда, милый брат, со своей ложкой надо придти, — говорит бородатый святой. — Ты за ложкой домой сходи.

Побежал Яков за ложкой, три версты бежал. Самую большую выбрал. Запыхался, прибежал и тянется ко шам с мясом.

— Хлебай, родимый, хлебай, нынче для бедняков праздник.

Поднес Яков ложку ко рту и проснулся.

— Вот тебе и праздник. Нигде нет счастья беднякам, даже в раю.

ЧУВАШСКИЕ СКАЗКИ

КТО ВСЕХ ДОРОЖЕ ЧУВАШУ

Е хал однажды русский, запоздал в дороге. Наступила ночь. Подъехал он к чувашскому селу. Остановился у крайней избы, стал стучать в окно. Высунулся чуваш.

- Что надо?
 - Пусти, ради бога, переночевать!
 - Ради бога? Нет, не пущу! Бог нехорош! Хлеб был, градом побил. Какой это бог?
 - Ради бога не хочешь, так ради царя пусти!
 - Уходи прочь! Корова была, царь за налоги взял.
 - Ради попа пусти!
 - Не пущу! Когда я сына женил, поп последнюю десятку слупил!
 - Ну, хоть ради учителя пусти!
 - Ради учителя? Пущу, пущу! Петр Иванович — человек хороший, детей грамоте учит, нас всех уму-разуму наставляет.
- Застучал засов, заскрипели ворота.
- Добро пожаловать! Гостем будешь!

ЕВРЕЙСКИЕ СКАЗКИ

РАВВИН И КОРОВА

В субботу днем прибежал еврей к раввину и спросил:

— Ребе, можно в субботу тащить корову из ямы?

— Ни за что, сын мой! Это грех! Ведь суббота — праздник.

— Но это ваша корова, ребе!

— Чего же ты стоишь, как остопоп? Зови скорее людей, чтобы вытащили!

ДВА МАГИДА¹

В одном местечке было много еврейских лавок. И был среди лавочников один богатый еврей, большой богач.

Однажды в это местечко приехал магид. Вся община собралась в синагогу, где он читал евреям всякого рода нравоучения:

— Суббота — священный день, день покоя. В этот день ничего делать нельзя: ни торговать, ни топить печи, даже готовить пищу запрещено.

Закончив свои поучения, проповедник попросил, чтобы его за это отблагодарили. Ну, сколько обычно дает еврей за такое дело? Копейку, две копейки. Кто побогаче — дает пятак.

Тут подходит к магиду местечковый богач, — большой скряга, никогда не делавший никаких пожертвований. И вдруг этот богач вынимает из кармана целый рубль и дает магиду.

Магид остолбенел от удивления.

На другой день он уехал и по пути встретил другого магида, направлявшегося в это же местечко.

Вот толкуют они про то, про сё, и рассказал первый

¹ Магид — проповедник, религиозный оратор.

магид второму, как встретили его, кто какие сделал ему приношения.

— Я, — рассказывал первый магид, — читал им проповедь о том, что в субботу ничего нельзя делать, суббота — священный день. В этот день нельзя и торговать. Слушали меня неплохо. Неплохо отблагодарили. Есть в этом местечке один богач — большой апикойрес¹. Он по субботам торгует, варит пищу и вообще не соблюдает праздников. Так вот этот богач дал мне целый рубль!

На этом оба магада расстались. Второй магид ехал и размышлял.

— Тот говорил, что в субботу нельзя торговать и праздник свят, за это богач дал ему целый рубль. Что же будет, если я приеду и докажу населению местечка, что в священных книгах черным по белому написано: можно варить в субботу и можно торговать в субботу. Тогда... тогда озолотит меня этот богач.

И был день...

Так говорится в сказке. А я в местечке не был в тот день, так пусть же расскажет про это сам магид.

— Ну, вот, — говорит магид, — собрал я их всех, дал богачу самое лучшее место возле себя и сказал им так: «Варить пищу в субботу нельзя, но когда это нужно для здоровья, то можно. И открывать лавку и деньги выручать в субботу нельзя, но когда это дает еврею хлеб насущный, то можно. Так сказано в священных книгах».

На том и закончил я свое поучение.

Первым делом кинулся я к богачу, чтобы он меня за такие речи порадовал хорошей наградой. А богач... знаете ли что он сделал? Важно опустил руку в карман, а я стою и жду. Я ведь знаю, что сейчас получу...

И что бы вы подумали? Вынимает он из кармана грош, дает его мне и говорит:

¹ Апикойрес — безбожник.

— Это называется магид? Тот, первый, что приезжал к нам, доказал, что в священных книгах написано: «суббота священна», и все держали в субботу лавки на запоре, а я был один апикойрес на всём местечко, который торговал, это давало мне большие доходы. А ты доказал, что в субботу можно торговать. Все лавки теперь будут открыты, а я буду не при чем, останусь в дураках. Вот и получай не серебряный рубль, а медный поломанный грош.

ЧУГУНКА

Рассказывают так:
Под Варшавой есть местечко Гер, и там живет знаменитый хасидский цадик. К этому цадику, бывало, со всей округи, со всей Польши тащились на поклон хасиды.

От Варшавы до Гера 14 верст. Дорога была — чистое болото. Евреи шли к нему пешком по болоту в осень, в самую слякоть, на новый год, под «судный день» и в праздник «кущи».

Одна компания дельцов и банкиров задумала построить чугунку из Варшавы до этого самого местечка, до Гера. Хасиды прямо ожили: зачем пешком месить болото, когда можно сесть в чугунку и айда к «праведнику»! И начали евреи к цадику ездить. Но цадик рассердился:

— Это еще что? — говорит он. — Ради кого сюда ездит народ? Ради меня! Так почему же ничего не пристало к моей руке от постройки этой дороги?

И вот однажды, во время праздника, когда собрался народ в синагогу, он вдруг хлоп по стендеру¹!

— Еврей! Чугункой ездить нельзя!

¹ Стендер — молитвенный столик, который стоит в синагоге перед каждым из наиболее зажиточных и уважаемых прихожан.

— Почему так, ребе?

Отвечает цадик:

— Чугунка — слово женского рода. А хасиду запрещено самим богом ездить на всякой твари женского пола: на кобыле, на ослице, на верблюдице и, конечно, на чугунке.

Ну, евреи перестали ездить. Стоит чугунка пустая.

Задумались господа-хозяева этой чугунки:

— Что за притча?

И дознавшись, что у цадика чешутся ладони, отвалили ребе хорошую мзду. Послюнил цадик палец, посчитал денежки и, удовлетворенный, сказал:

— Хорошо! Теперь они у меня поедут!

Настал следующий праздник. Собрался народ в синагоге, и цадик опять хлоп по стендеру!

— Еврей! Думал я, думал и додумался наконец: можете ездить на чугунке, незачем грязь месить.

Удивленные хасиды спрашивают цадика:

— Как же так, ребе? Ведь вы же говорили, что на чугунке нельзя ездить: чугунка женского рода!

Цадик поднял глаза к небу и отвечал:

— Чугунка — женского рода, это правда. Но спросим, что такое чугунка? Чугунка — это поезд. А поезд какого рода? Мужского. Следовательно, святой закон разрешает хасиду ездить в поезде.

И что вы думаете? Хасиды перестали месить болото и стали ездить из Варшавы в Гер поездом.

КАНТОР НА МОЛИТВЕ

дин кантор, стоя у амвона в судный день, упал, как требовал обряд, ниц и очень долго оставался простертым на полу.

Тогда спросил один молящийся у другого:

— Почему так долго лежит наш кантор, простершись на полу? Неужели он столько времени плачет! Сколько же слез он пролил? Если так умолять разбойника, как он умоляет бога, то и тот проявит жалость. Неужели бог к нему так неумолим? Ведь он же море слез прольет!

Тот усмехнулся и говорит:

— Неужели тебе невдомек, что делает сейчас наш святой кантор? Не глазами он работает, а зубами. Не слезы он льет, а никак не прожует коржики, которые дала ему с собой жена, чтобы у него хватило силы выдержать строжайший пост сегодняшнего судного дня.

Один из говоривших нагнулся и повалился на пол рядом с кантором. И что же он увидел? В одном только ошибся его друг: лежа перед амвоном в день великого поста, когда в рот нельзя брать ни крошки хлеба, ни капли воды, этот служитель бога прожевывал не коржики, а кусок плетеной халы с мякотью от своего очистительного жертвенного петуха.

Возмущенный, он увел своего товарища из синагоги к себе домой и тут же, вопреки законам судного дня, они разговелись, не дожидаясь конца поста.

СОВРЕМЕННЫЕ
НАРОДНЫЕ
СКАЗКИ

РУССКИЕ СКАЗКИ

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

Сорок лет тому назад приходит к царю самый главный министр генерал Плева и докладывает, что по всей стране народ бунтуется, против бога и царя подымается, сознание у него пробуждается.

Царь министра не слушает, в усы усмехается — «чепуха, мол» — и приказывает зачинщиков изловить, смертью лютою казнить и ему об исполнении донести.

Падает царский министр на колени, целует царский золотой сапог и говорит, от страха цепенея:

— Прикажите лучше меня казнить, ваше царское величество, а приказа исполнить не могу: не хватает у меня ни солдат, ни полиции.

Рассердился царь, прогнал министра и созвал на совет собрание попов. Спорили-спорили попы-архиереи, потели, пыхтели долгогривые, наконец, передрались, а придумать ничего не могли: ума у них не хватило. А народ уж в самом Петербурге волнуется

Опечалился царь, испугался, уложил в чемоданы бриллианты и решил к немецкому царю Вильгельму за помощью бежать. «Немецкий царь, мол, придушит русский народ, тогда вернусь и по-прежнему зацарствую».

Сел уж царь на корабль-броненосец, а ему тут докладывают: так вот и так, мужик один обещает власть царскую спасти, престол для вас сохранить и средство дает, как народ опять к рукам прибрать.

Вернулся царь в Петербург, принял во дворце-хоромах того мужика, а он оказался богатым кулаком-конокрадом Гришкой, за жизнь свою грязную прозванный Распутиным. Целует Распутин царский сапог и говорит ему:

— Царишка из тебя, конечно, хреновый, да не в тебе дело, а во власти царской. Без нее нам, ворам-кулакам, пропадать придется. Хоть умишком ты больно слаб, но старайся, вникай в мои слова и их полностью исполняй.

Царь глазами моргает, головой качает: согласен, мол.

— Народ наш живет в большой нищете и обиде,— говорит Распутин,— тяжело ему живется, но темен он и неграмотен: правды ищет, где найти — не знает. Знает народную правду лишь один человек — Владимир Ильич по фамилии Ульянов. Он народу правду рассказывает, к счастливой жизни путь-дорогу указывает. Вот поэтому народ и бунтуется. Прикажи его, Ульянова, найти, задари, купи его, пусть от народа откажется, нам, богатеям, пусть служит. А народ без него останется, с властью нашей не совладеет и опять под кнут пойдет. Так-то.

Сто тысяч жандармов, сто тысяч урядников разослали по всей стране, но не могли найти Ульянова — прятал его народ трудовой. Тогда Гришка советует искать там, где народ самый сознательный, организованный. Посмотрели на шпионские списки и видят, что самый сознательный рабочий на Путиловском заводе. Пошли туда, но рабочие Ильича не выказывают, от царских жандармов охраняют. Пошли на завод Гришка и царский министр, и подкупил Гришка молодого парнишку, он и выдал Владимира Ильича шпионам.

Обрадовался царь, наградил Гришку миллионом рублей, назначил главным над сенатом и самым святым в

святейшем синоде, а Владимира Ильича приказал доставить к нему.

Царь перед Ильичем лисой расстилается, тысячу имений предлагает, богатства разные, и графом, мол, назначу, и царским наместником, и полцарства не пожалею, только покинь народ трудовой.

Ильич на царя и смотреть не стал, не то что с ним разговаривать. За это посадили его в самую страшную крепость и послали к нему митрополита уговаривать. Стал митрополит Ильича адскими муками запугивать.

Засмеялся Владимир Ильич и спрашивает митрополита:

— А вы,— говорит,— сами-то видали настоящий ад?

— Нет,— отвечает митрополит,— не видал, но, читая священное писание, представляю его довольно ясно.

И пошел-пошел расписывать адские муки.

— Нет,— говорит Ильич,— не представляете вы ада. Хотите, я вам его покажу, да не какой-нибудь там выдуманный, а настоящий?

Согласился митрополит, договорился с царем и под большим конвоем пустили Владимира Ильича с митрополитом по городу. Показал Ильич митрополиту фабрики, заводы, рабочие землянки, народное горе и нищету. Ужаснулся митрополит и говорит:

— Действительно, легче у чертей на сковородке жариться, чем такие муки терпеть. А может, оно и к лучшему, что привыкают — на том свете легче им будет.

— А можете ли вы — бог, царь и попы — уничтожить этот ад на земле и вместо него оборудовать рай здесь, на земле?

— Нет,— говорит митрополит,— этого сделать никто не может — ни бог, ни царь и не герой. Это вещь невозможная.

— Почему невозможная? — говорит Ильич.— Сделать

это можно, и сделаем, а как — не скажу, в этом правда народная, непобедимая.

Посадили Владимира Ильича опять в тюрьму и жестокими муками стали пытаться, требовали, чтобы отказался он разъяснять правду народу. Но никакие муки, никакие пытки не могли сломить Ильича. Ни слова не сказал он палачам.

Тогда сослали его в Сибирь, в самое отдаленное, холодное место на земле, куда птица не залетает, зверь не забегает, голос человеческий не доносится. Не дали ему ни книг, ни пера с бумагой, чтобы не мог он передать народу правду.

Но и в далекой глухой Сибири не сдался Владимир Ильич. На тонкой шкурке от березовой коры он своей кровью писал газету и посылал в Россию.

Читали газету рабочие и крестьяне и начинали они понимать, почему и откуда их жизнь каторжная. Стали понимать, что для того, чтобы устроить на земле жизнь хорошую, счастливую, надо иметь свою партию.

Назвали рабочие свою газету «Правдой», а Владимиру Ильичу дали новую фамилию — Ленин, за то, что на далекой, холодной Лене он не сдавался и твердо боролся за трудовую правду.

Кровь Ленина, которой он писал газету, крепко спаяла рабочих и крестьян в такую силу, что ее никто и никогда не победит.

ПРОПОВЕДЬ ПОПА СИВОЛДАЯ

Моп Сиволдай вздохнул сокрушенно. Народ думал — о грехах кручинится, а поп с утра объелся и вздохнул для облегчения, руки на животе сложил и начал голосом умильным, протяжным, которым за душу тянут:

— Люди! Многое есть неведомого. Есть такое, что ведомо только мне, вам же неведомо. Есть такое, что ведомо только вам, мне же неведомо.

Сиволдай снова вздохнул сокрушенно.

— Есть и такое, что ни вам, ни мне неведомо!

Поп погладил живот и зажурчал словами:

— О людие мои! У меня старый подрясник. Сие ведомо только мне, вам же неведомо. О любезные мои други! Купите ли вы мне материи на новый подрясник шерстяной коричневого цвету и шелковой материи такового же цвету на подкладку к подряснику,— сие ведомо только вам. Мне же сие неведомо. О возлюбленные мои братия! А материя, которую вы купите мне на подрясник, и подкладка к оному подряснику и с присовокупленною к ней материей, тоже шерстяной, цвета семужьего, с бархатом для отделки подобающей, понравится ли моей попадье Сиволдаихе — сие ни вам, ни мне неведомо.

БРЮХАТЫЙ ПОП

Б

ыл у нас, скажем, в Шуньге жадный поп. Уж, знаете, по-крестьянски любят брюхо набить. А он так по-поповски. И то все дивовали. Кто к нему придет, корочки не даст, а сам за щеку прячет.

Ну вот. Праздновали в Шуньге. Он и пошел с крестом. (Это так у нас попы ходят). Придет, лошадьим хвостом побрызжет—и гони ему чего-либо.

Ну, он куда придет:

— Бла-а-гослови бог! (А хорош ли пирог?)

Всё сам на стол заглядывает, помашет хвостом со святой водичкой. Кому в глаз, кому в лоб. А сам ногой топ-топ. К столу, значит, ближе.

— Православные, живите дру-у-жно! (А к киселю молоко нужно).

— Во имя отца и сына и святого духа! (А в рыбнике запеклась муха).

— Бойтесь греха и ад-а-а! (Покормить попа нада).

Да и насыдет. Только скулы потрескивают. Рыбник, так с костями, кисель с блюда слизом. Нажрется, так пузо вздует. Ряса торчком стоит.

— Мир дому сему, отныне и до века-а! (Накормили человека).

Да в нову избу.

Ходил это он до вечера. Нажрался зело, к душе подвезло. Он за брюхо схватился, глаза закативши. А сам рукавом машет:

— Нет бога святе-ей! (Запрягайте лошадей).

Его на дровни. Свалили и повезли. У нас как дороги... Короста. Его и подпрыгивает.

— Ох-ох-ох! Помогите, родимые, помираю!

А у него брюхо вспучило, ну, не хуже как у тяжелой бабы.

А уж мать-попадья у тына стоит.

— Что с тобой, батюшка?

— Обрюхател, матушка.

— Ох-ох-ох! Надо за бабкой Меланьей бежать, **обабит.**

Бабка Меланья пришла попа направлять:

— Здравствуй, батюшко, обрюхател?

— Обрюхател. Не направишь ли?

Она его и так и сяк, и в бане парила.

— Ничего,— говорит,— веретёшком не поможет, рожать будешь.

Тут поп завыл:

— Куда я рожать?! Засмеют! Прогонят! Архилей в синоде судить будет.

— Надо потиху, из села долой.

— Куды-ы я пойду?

Ну, ночь пала. У попа воют. Собрала ему попадья шанежек да еще и говорит:

— Иди, батюшка, из села. Сраму примешь.

Он и пойдит. Идет да на брюхо косится. Шел это он леском-лединой. Лежит человек убитый. Он и:

— Господи, помилуй и помоги-и! (А на ём хороши сапоги).

Да давай с мертвяка сапоги тащить. А тот уже зако-

лел. Сапоги найдут. Поп взял да сапоги те с ногами отрезал. В сумку склал, дале идет.

— Ну, уже время на-полночь. Стоит изба. Он и попросись ночевать.

Его запустили, он и лег на печь, сапоги под голову. И заспал.

А у хозяев тех корова тельна была. Да в ту ночь отелилась. Они и взяли теленочка, чтоб не замерз, на печь поклали подле попа. Он ночью проснись — меж ногами мокро. Кто-то помыкивает.

— Свят, свят, свят, да я родил.

Он сразу скорей с печи да вон из избы. И котомку призабыл, и сапоги те.

Утресь хозяева встали.

— Иди, батюшка, шей хлебать.

Ответу нет.

Они на печь полезли, а там два сапога да с ногами.

Они и вопят:

— Беда, наш теленок попа съел!

Созвали деревню да того теленка и порешили. А ноги с сапогами зарыли, ведь, батюшкины, священника.

А тот поп и сейчас ходит. Может, брюхо-то сбавил.

ЦЕРКОВНАЯ СЛУЖБА

ыходит дьякон. Становится на амвон, а поп и говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, не идет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, петуха, масло несет!

А дьячок поет:

— Подай, господи!

Поп опять:

— Дьякон, дьякон, посмотри-ка в окошко, не идет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Старуха идет, четверть ржи несет!

Дьячок опять поет:

— Подай, господи!

Поп опять говорит:

— Дьякон, дьякон, посмотри в окошко, не идет ли кто, не несет ли чего?

Дьякон отвечает:

— Идет мужик, несет дубину на поповскую спину.

Поп и дьячок поют:

— Тебе, господи!

ПОП И РАБОТНИК

попа жил работник, звали его Титом. Пятнадцать лет работал у попа Тит. Однажды говорит он попу:

— Батюшка, давай расчет, хочу своим хозяйством обзаводиться.

— Рано тебе обзаводиться-то, поднакопил бы ума-разума, тогда бы и обзаводился хозяйством, — сказал поп.

— Мне, батюшка, уже тридцать лет. И я боюсь, что на твоей работе из меня весь толк выйдет. Давай расчет, и баста!

Делать нечего, стал поп рассчитывать работника:

— Тит, пятнадцать лет хлеб мой ел?

— Ел.

— Мои сапоги, шапки, одежду донашивал?

— Донашивал.

— В люди я тебя вывел?

— Вывел.

Подогнул поп три пальца на руке, задумался: чем же еще два пальца засчитать. Больше засчитывать нечем. Тогда поднял поп глаза к потолку и говорит:

— Тит, приходится тебе еще и деньгами: целых пятнадцать рублей! На, получи!

— Мало, батюшка, — говорит Тит.

— Видит бог, Тит, не мало. Я и так не считаю, сколько ты новых лаптей износил. Не могу дать ни гроша больше. Сгоряча я и так переплатил тебе.

Нечего было делать. Взял Тит деньги и ушел.

Купил Тит за пятнадцать рублей трехлетка — вороного жеребчика и стал собираться на ярмарку.

Приходит поп к Титу и говорит:

— Тит, не поедешь ли ты на ярмарку?

— Собираюсь, батюшка.

— Тогда едем вместе, веселее будет.

— Что ж, едем вместе.

И поехали — Тит на вороном жеребчике, а поп на сивой кобыле. До города было далеко. Решили они заночевать в поле. Травы сколько хочешь для лошадей, да и за ночлег не платить. Отпрягли лошадей и пустили их пастись.

Вдали показался обоз. Поп посмотрел из-под руки: нет ли знакомых. Когда обоз поравнялся с попом, Тит встал позади попа и махнул обозникам. Они тоже махнули. Поп и говорит:

— Никак, меня зовут. Надо узнать, зачем, — и побежал к обозникам.

— Чем могу служить, братья? — спрашивает он обозников.

Засмеялся один обозник и говорит:

— Батюшка, у меня лошадь устала, — останавливается, я не знаю, что с ней делать. Уж не подрезать ли ей хвост? Говорят, если подрежешь хвост, лошадь дышит свободней и ходит легче.

Обиделся поп:

— А ты не скажешь, свет, сколько у вас в селе дураков?

— Если ты, батюшка, приедешь к нам, то первый будешь, — ответил обозник.

Поднял поп рясу и побежал обратно к своей телеге. «Вот, дураки, — думает он, — сами звали, да сами же и насмех подняли».

— Это меня они звали, а не тебя, батюшка, — говорит Тит попу. — Я и пойду.

Догнал Тит обозников и попросил закурить.

Поговорил с обозниками и вернулся к своей телеге.

— Что, Тит, али и тебя обидели? — спросил поп.

— Нет, батюшка, не обидели, да вот говорят: много конокрадов в здешней местности. Боюсь я, как бы не украли наших лошадей.

Испугался поп. Когда пришла ночь, он и говорит Титу:

— Тит, давай поочередно лошадей караулить.

— Не буду, батюшка, — моя лошадь черная, ее воры не увидят, а твою сивуху, наверное, сведут.

Посмотрел поп, и правда: жеребчика не видно, а сивая кобыла, как бельмо на глазу, белеет: пожалуй, и украдут.

Поскреб поп в затылке да и говорит:

— Тит, давай лошадьми меняться? Моя кобыла сильная, хорошая. Твой жеребчик, надо сказать, еще жеребёнок. Работать на нем нельзя. А без лошади тебе не прожить.

Подумал, подумал Тит и отвечает:

— Ухо-на-ухо меняться не буду. Дашь в придачу двадцать пять рублей, — тогда и по рукам.

— Многонько просишь, Титушка, — да ладно, уважу тебя. — Отсчитал поп двадцать пять рублей. — На, Тит, получи!

Отдал деньги и засмеялся:

— Ну, Тит, теперь карауль свою сивуху, а я спать лягу. Ловко провел я тебя?

— Как бы не так, — сказал Тит, — спать-то буду я. Погляжу на сивуху и опять спать. Мне и ходить нечего, ее отсюда видно. Твоего же жеребчика уведут, ты и не заметишь.

Посмотрел поп — сивуха бродит, а жеребчика не видно. Забеспокоился поп:

— Ах, Тит, Тит! Обманул-то, кажется, ты меня, а не я тебя. — Стал придумывать поп, как разменяться лошадьми.

— Тит, а Тит?

— Что, батюшка?

— Давай, разменяемся лошадьми?

— Не хочется, батюшка, жалко сивуху.

— Эх, Тит! Ты еще неопытен. Кобыла старая, ленивая. Пропадешь ты с ней. То ли дело жеребчик, через год сильная лошадь будет.

— Что ж, батюшка, если ты меня жалеешь, то я, пожалуй, и согласен, только за размен приплати двадцать пять рублей.

— Ладно, Титушка, возьми деньги.

Пересчитал Тит деньги и лег спать. Завалился спать и поп.

Проснулись утром, глядь: вороной жеребчик пасется, а сивухи и след простыл. Хлопнул руками о рясу поп и сел на телегу.

— Тит, отвези меня домой, — раздумал я на ярмарку ехать.

— Не могу, батюшка, мой жеребчик все равно что жеребёнок, двоих нас не увезет. На ярмарку я тоже не поеду. Поеду в село, избушку покупать.

Запряг Тит жеребчика и поехал. Взял поп свою тележку за оглобли — и за ним. И так они поехали в село. Еле-еле дотащил поп тележку.

Купил себе Тит избушку, женился да стал жить, поживать. А поп на сивых лошадях после этого смотреть не мог.

КОТ ДОРОФЕЙ

Был у нас кот, дородный да матерущий¹. Сам белый, что морская кипень², а мягкий, как пуховая подушка. А глаза, глаза-то у Дорофея, как пуговицы на брюхе у станового³, как он к обедне идет. А мышей, мышей-то кот жрет! Пожрет-пожрет да еще хозяйке притащит,— на, мол, и ты ешь, не мне одному.

Но настал и для кота великий пост: попрятались мыши. И стал кот тощий, что две дощечки. А жрать хочется. Вот и надумал он. Полез в печь, вымазал брюхо в саже, вышел на крыльцо, повалился, глаза закатил и лежит. Бежит мимо мышка, такая красавушка, толстенная. А зовут ее Степанидкой. Увидела, что у кота брюхо черное, и спрашивает:

— Ну, Дорофей, почто у тебя брюхо-то черно, а было бело! Ты уж не в монахи ли поступил?

А кот отвечает:

— В монахи, кума, поступил, в монахи.

— А мясного-то не потребляешь?

— Не потребляю, кума, не потребляю.

¹ Матерущий — большой.

² Кипень — пена от волнения на поверхности воды.

³ Становой — полицейский чиновник.

— Нас-то не тронешь?

— Не трону, кума, не трону.

Вот Степанидка побежала к мышам и кричит:

— Женки, девки! Кот в монахи поступил, мясного не ест, нас-то не тронет. Пойдемте плясать да скакать!

Ну, и пошли. Собрались, скачут вокруг кота, пляшут, визжат. А кот смотрел-смотрел, да как вскочит, да схватит Степанидку, да и ну ее хрустить, да ну ее жрать. А та кричит:

— Почто ты, Дорофей? Я ведь скоромная, мясная, а ты ведь постничаешь!

— Ничего, что скоромная, мне куды с добром.

Так и сожрал до хвостика.

НА „ИСПРАВЛЕНИИ“

дин поп мне рассказывал, как его в Далматов монастырь по определению третьего стола екатеринбургской духовной консистории за «пьянственное житие» посылали на исправление. Монастырь-то как бы тюрьмой, исправдомом был для духовенства. Рассказывал — так прямо умора.

— Взял, — говорит, — я сотню рублей и поехал на мезяц. Отвели мне келью, дали послушника. Работы никакой, ходи только со своей братией утром и вечером в церковь молиться. А остальное-то время куда девать? — Дашь, — говорит, — послуху целковый: — Споспешествуй, брате! Ну, он и «споспешествует»... Купит, угостишь и его...

Ну, вот как дернешь «един красовул» и «пребываешь в молчании до вечера», как гласит церковный устав...»

Я справлялся, какое количество вмещал красовул; — что-то очень много. Конечно, устав был переведен с греческого языка и там имелось в виду виноградное вино, а у нас-то ведь водка!

«Так вот,— рассказывал,— я там был, как на курорте. Какое тебе исправление! Пил себе, сколько хотел и когда хотел, и прихожан своих в соблазн не вводил. Отбыл я месяц. Архимандрит доносит в консисторию: «Был и исправился»...

КАК ПОПЫ КУПАЛИСЬ

дин раз летом поп, дьякон и дьячок пошли купаться на реку. Купались-купались, поп и говорит:

— Давайте нырнем все вместе зараз. Кто первый вынырнет — к тому пойдем обедать и по три чарки вина выпьем.

Все согласились. Нырнули они и сидят под водой, каждый боится вынырнуть. Сперва вынырнул дьякон. Видит он — никого нет, и снова нырнул. Потом дьячок голову показал. Видит — никого нет, и опять в воду.

После них вынырнул поп. Он долго сидел под водой и думал: «Сейчас пойду к дьякону или к дьячку обедать и водку пить». Глядь — никого нет. Эх, испугался поп — и снова нырнул.

Потом вынырнул дьячок — и опять в воду. За ним дьякон и тоже так. Потом поп.

Долго они ныряли так. Наконец стали захлебываться.

Шел по берегу мужичок. Видит — люди тонут. Сбросил он с себя одежду и прыгнул в речку. Вытащил утоп-

ленников за волосы. Глядь, а это поповский причт. Испугался бедняк, стал просить их:

— Не говорите никому, что я вас вытащил.

— Почему? — удизился поп.

— А то меня мужики за это убьют.

КАК ЧИСТОТА КРАСОТУ ПОНЕСЛА НА ВЫСОТУ

ил в одном приходе поп — большой жулик. Всегда работников обманывал, и те у него бесплатно работали. А работа у попа, известно, хуже каторги.

Вот пришел однажды к попу мужичок наниматься в работники. А поп и говорит:

— Ладно, свет, оставайся работать. Как проживешь год, так я тебе загадаю загадку. Если отгадаешь, получишь сто рублей. А не отгадаешь — опять останешься год работать.

Мужичку нужда, видно, большая была. Согласился он. Остался у попа работать. Работал за семерых, ни днем, ни ночью покоя не знал. Известно, работа у попа — хуже каторги.

Прошел год. Призывает поп работника к себе в горницу и говорит:

— Ну, свет, я загадаю тебе загадку. Отгадаешь — получишь сто рублей, а не отгадаешь, останешься еще на год.

— Ладно, — говорит работник, — загадывай.

Вот показывает поп работнику на кошку и спрашивает:

— А ну-ка, скажи, свет, что это такое?

— Это кошка, — отвечает работник.

— Нет, свет, не угадал, — говорит поп. — Это не кошка, а чистота.

Остался работник у попа еще на год. Работал на попа, как лошадь.

Когда прошел год, позвал поп работника к себе в горницу, зажег лампы и спрашивает:

— А ну-ка, свет, угадай, что это такое?

Подумал работник и говорит:

— Да это же огонь.

— Нет, свет, не угадал, — говорит поп. — Это не огонь, а красота.

Деваться некуда — остался работник и третий год бесплатно у попа работать.

Вот прошел и третий год. Призывает поп работника к себе в горницу, показывает на ведро с водой и спрашивает:

— А ну-ка, свет, угадай, что это такое?

— Вода! — отвечает работник.

— Нет, свет, опять не угадал, — говорит поп. — Это не вода, а благодать.

Остался работник у попа и на четвертый год.

Прошло несколько времени. Наступил престольный праздник в соседней деревне. Поп с попадьей уехали в гости к знакомому барину-помещику, а работник дома остался. Как настал вечер, работник оседлал лошадь и привязал к столбу, а сам поймал кошку, привязал к её хвосту пучок пакли, поджег и пустил. Кошка бросилась на чердак, огонь от пакли передался на листву¹, и загорелся весь дом.

Работник вскочил на лошадь и помчался к попу. А в это время поп уже подвыпил в гостях, распевал во всю

¹ Крестьяне насыпают на чердак листву или мякину для отопления.

глотку песни. Другие гости — урядник, старшина, еще один поп и соседи-помещики тоже пели, плясали, играли в карты. Одним словом, бал был на славу.

Приехал работник, вошел в дом и позвал своего хозяина-попа. А поп ему говорит:

— Ну, свет, сказывай при всех: зачем приехал?

Вот работник и говорит:

— Я у тебя, батюшка, три года работал даром. Ты мне всё загадки загадывал, теперь я тебе хочу загадать. Если отгадаешь, то я у тебя еще три года останусь работать задаром. А не отгадаешь — плати мне сейчас за все три года.

Все гости заинтересовались. Обступили попа и работника. Поп согласился.

— Ну, свет, говори, скорей!

Работник и говорит:

— Вот моя загадка: чистота красоту понесла на высоту, если не дашь благодать, тебе домом не владать. Что такое?

Задумался поп. Никак не придумает отгадку. Помогали ему и гости. А работник торопит:

— Скорей, батюшка, а то поздно будет!

Так и не отгадал поп. Заплатил он работнику за все три года да в этот момент сам глянул в окно. А дом его уже горел, как свеча.

Как сумасшедший вскочил поп, схватил лошадь и помчался к дому. За ним поскакали и все гости.

Приехал поп к дому, а там только угольки зияют. Всё поповское хозяйство дотла сгорело.

Схватился поп работника искать, а того и след простыл.

ПРО ДЬЯКОНА

дин священник в церкви нюхал табак (раньше мода была такая). Дьякон тоже нюхал табак, да забыл табакерку дома. Вот захотелось ему понюхать табачку. Он попросил у священника табакерку. Священник дал, а дьякону нужно было выходить на ектению. Он ткнул табакерку за икону и ушел в церковь. Священнику тоже захотелось понюхать, а табакерки не было, надо было достать. Он и возглашает оттуда:

— Дьяша, дьяша, где моя нюхаша?

Дьякон отвечает снизу:

— За иконой, за Николой. Господу помолимся!
Узнав, где табакерка, поп берет её и нюхает.

УКРАИНСКИЕ СКАЗКИ

„МИЛОСЕРДНАЯ“ БАРЫНЯ

ила-была барыня, да такая... такая... Ну вот сами увидите, какая! Пришел к ней раз дед-нищий, что милостыню просит.

Подошел к дверям, молится и приговаривает:

— Подайте, Христа ради! Подайте бедному ради души спасения, милостивая барыня!

Услыхала барыня и думает: «А что ж! Дам я ему что-нибудь, ну хотя бы это яичко-сносочек! Чего жалеть? Ведь это для души своей спасения!». Позвала деда в дом, подала ему яичко и говорит:

— На тебе, дедушка, яичко, скушай, старенький, да богу за меня помолись.

Взял дед яичко, благодарит:

— Спасибо вам, барыня! Да воздаст вам господь за вашу доброту!

Пошел дед, а барыня и думает: «Вот и хорошо, что подала ему яичко, — и чего жалеть! Да только бы он меня не забыл!» И зовет деда назад:

— Дед! Дед! Вернись!

Возвращается дед, думает, может, барыня даст еще что-нибудь, кланяется. А барыня его спрашивает:

— Дед! Дед! А дала я тебе яичко?

— Дали, барыня, дали, да спасет господь вашу душу! Да пошлет вам счастья и здоровьица — и вам, и деточкам вашим.

— Ну, ступай, ступай! — говорит барыня, а сама думает: «Нет, помнит-таки о моем подаянии». Ушел дед.

Подумала-подумала барыня: «Ох, забудет старый! — и зовет опять деда:

— Дед! Дед! Вернись!

«Что там такое опять?» — думает дед, возвращаясь. А барыня его опять спрашивает:

— Дед, дед! А дала я тебе яичко?

— Дали, барыня, дай бог вам здравствовать да хозайничать! Да исполнит господь ваши желания!

«Ну, вот и хорошо! — думает барыня. — Пускай помнит».

Глядь, а дед уже за воротами, да так быстро идет. «Ой, забудет, ей-богу забудет!». И давай звать во весь голос:

— Дед! Дед! Вернись!

Возвращается дед снова: «Что это, боже мой, — думает дед, — не дает мне и со двора выйти!». Подошел, а барыня опять его спрашивает:

— А дала я тебе, дед, яичко?

Уж тут взяла старика досада:

— Да дали, — говорит, — чтоб вам сгинуть! Подарили несчастное яичко и все глаза мне им колете! Натее его вам! — Бросил дед барыне яичко и ушел.

— Вот, беда мне, — думает барыня. — Из-за деда и души спасение пропало, и яичко разбилось!

ПАНСКАЯ ЧУПРЫНА

Мужик, побойся бога, спаси меня! — кричал, утлая, злой пан.
Увидел его мужик с того берега, пораздумал и говорит:

— Как же я вас, пан, спасти буду, ежели вас за волосья тащить надо, а вы ведь наш пан?

— Тащи, как хочешь, только от смерти спаси.

Мужик думал, думал, а тут сбежалось много народу, говорят:

— Да разве можно пана за чупрыну хватать? Что ж он за пан будет, ежели его мужик станет за чупрыну таскать!

— Эге ж, — отозвался кто-то, — это не годится, чупрына панская не для того; это, пожалуй, только мужицкая чупрына, чтоб таскали ее паны, как хотят и куда хотят!

Так люди думали, гадали да на берегу разговоры вели, что делать. А пан всё кричал:

— Кто в бога верует, спасите!

Кричал, кричал, да так и утонул.

В О Р О Ж Е Я

У

крали раз у пана кучер и дворник деньги. Вот и советуются:

— Надо нам, — говорят, — эти деньги, что мы у пана украли, там-то запрятать.

А какая-то ветхая старуха подслушала — и к пану.

— Я, — говорит, — пан, знаю, где ваши деньги.

— Откуда ж ты знаешь?

— Да я, — говорит, — ворожея.

— Ну, раз ворожея, то и угадай.

Побормотала, побормотала баба себе под нос, да и говорит:

— Вот там-то деньги ваши.

Пошли туда, а там деньги и нашлись.

— Что ж ты, — говорит пан, — такая хорошая ворожея, а таишься, тебе бы надо людям помогать.

А баба уже и нос дерет:

— Я, — говорит, — всё могу узнать.

Пан и думает: «Дай-ка дознаюсь, и вправду ли она всё может, что говорит». Взял да и кинул в колодец косу и камень, позвал ее и спрашивает:

— Ну, угадай, что в этом колодце?

Баба посмотрела, посмотрела, нечего ей сказать, и будто про себя говорит:

— Вот наскочила коса на камень!

И подумал пан, что она на эту косу и камень намекает, которые он бросил, и говорит:

— Да, баба, ты угадала.

Дает ей тогда повозку и лошадь, кладет в повозку всякого добра, благодарит ее, а потом думает: «Дай-ка я ее еще разок испытаю». Да и поставил там, где ей самой сидеть, кошелку с яйцами. «Уж, думает, если угадает, то и вправду она ворожея». Вот и спрашивает ее, когда она уже уселась:

— А на чем ты, баба, сидишь?

— Да на чем бы там, пан, ни сидела, а уж, как насадка на яйцах, расселась.

«Да, — думает пан, — и на этот раз она угадала».

БОГОМОЛЬНАЯ ХРОСЬКА

ак вы из Киева? Ну, так расскажу я вам про киевские чудеса, которые видела тетка Хроська еще в старину стародавнюю.

Жила в нашем селе страх какая богомольная Хроська. Было ей лет пятьдесят, а может, и больше. Вот перед жнивнами собирается она, бывало, ко святым местам в Киев. Обойдет всё село, ни одной хаты не пропустит. Только зайдет она к кому-нибудь в хату и начнет канючить: «Жертвуйте, жертвуйте, иду я ко святым местам на поклонение и за вас помолюсь». Глядь — тот даст пять рублей, другой десятку, а то и двадцать. Обойдет всё село, и наберется у нее в кармане каких-нибудь рублей шестьсот. Значит, можно и в Киев двигаться.

А доходила ли она до Киева, или не доходила, леший ее знает. Может, до Красного маяка (что на той вон стороне Днепра) и добиралась, правда, тогда его не Красным звали, а был там просто монастырь. С мощами или без мощей, уж этого я вам не скажу, никогда богомольным я не был и в таких местах не бывал. Продолжалось Хроськино моление месяца полтора. А потом, увешанная торбами и кошелками, она возвращалась в село. Полна торба маленьких иконок разных святых, а в кошелке всё крестики — и серебряные и медные, разные там.

Как услышат в селе, что Хроська вернулась, все, кто жертвовал, к ней, а она всех и наделяет:

— Вы сколько давали, пять? Так вот вам святая Варвара и крестик медненный. Наденьте и носите его себе на здоровье, а господу богу в угождение.

— Вы десять давали! Вот вам святой Пантелеймон и крестик маленький серебряный.

— А кто давал двадцать? Подходите сюда, вот вам большой крест серебряный и Николай-чудотворец. Поминала я всех ваших за упокой и за здравие тоже подавала.

Вот такими иконками да крестами задурит она, бывало, людям головы, а они рады, будто освятились. А сама Хреська рубликов пятьсот и подработает. И устраивает под сорокоуст гулянку. Созовет всех своих жертвователей и начнет за чаркой разводить всякую брехню про Киев.

— Ну, братия, выпьем еще, да расскажу я вам про Киев.

Они все рты пораскрывают, а она и начнет, подвыпивши:

— А уж святых-то этих в Киеве, боже ты мой! И танцуют и такое вытворяют... А на самой высокой колокольне стоит плечистый такой святой, а рот у него — аж страшно глянуть. И так дышит он сильно, что как дохнет: «дху, дху» — враз ветер во все стороны и подует. Оттого, православные, и ветер-то у нас бывает.

Вот один слушал-слушал и спрашивает:

— Ну, я, предположим, согласен, что ветер это он делает, а ежели тихо, то это он вовсе перестает, значит, дышать или как?

А Хреська будто не понимает:

— Да чего ему переставать? Напротив него, как ты вот напротив меня, стоит второй святой, такой рукастый, как сожмет кулаки, аж страшно... И ежели надо, чтоб стало тихо, то когда тот плечистый хочет дохнуть, этот и всунет ему в рот два кулака. Вот и становится тихо.

БЕЛОРУССКИЕ СКАЗКИ

ЛЕНИНСКАЯ ПРАВДА

Ж

или в деревне два брата. Поле пахали, землю слезами поливали, горбы себе наживали. Хлеб и скотину у них паны забирали, а платили за это кулаками в спину.

Маялись братья не год и не два, а неизвестно сколько. И другие мужики вокруг жили не лучше братьев.

Надоело братьям работать на чужое здоровье. Решили они отправиться по России-матушке искать правду. Пошли. Идут месяц, идут год. Видят: стоит большое село. Посреди села — панский дом и рядом церковь каменная.

«Дай, — думают братья, — зайдём сюда, спросим, где правда живет».

Идут они по деревне, а навстречу им пан в коляске едет.

— Чьи вы, мужички, откуда идете и чего ищете? — спрашивает их пан.

Отвечают ему братья:

— Жили мы в нищете, в горе, больше сил не хватает так жить. Идем правду искать. Научи нас, где её найти.

— Хорошо, — говорит пан, — покажу я вам правду, если пожелаете, только вы мне год поработайте за это. Согласились братья.

Работали они, работали: поле пахали, землю слезами поливали. Прошел год. Приходят они к пану и говорят:

— Научи же нас, пан, как нам правду найти

— Ну, вот вам и правда, — отвечает им пан, — голь вы немытая, работать вам всегда на нас, панов!

Плюнули братья и пошли дальше.

Идут месяц, идут год. В село пришли. Поп идет навстречу. Братья к нему:

— Научи, отец, где правду найти.

— Хорошо, — говорит поп, — я вам правду у царя небесного вымолю, а вы у меня год за это поработайте.

Согласились братья. Работали они, работали: пашню попу пахали, слезами землю поливали. Прошел год. Пришли братья к попу, а он им говорит:

— Работайте хорошо, бога не гневите, — вот ваша правда!

Плюнули братья, пошли дальше.

Приходят они к купцу. Вышел он, богатый, толстый, толще пана и попа.

— Хорошо, — говорит купец, — научу я вас, где правду найти, только поработайте вы год на меня.

Согласились братья. Стали они на купца работать, горбы наживать. Учил их купец, как честной народ обманывать, бедноту обмеривать. Не прошло еще и года, как младший брат и говорит:

— Не пойду я больше правду искать! Нет ее на свете — правды мужицкой!

И вернулся он в свою деревню. А старший брат настойчивый, не хотел без правды домой возвращаться. Пошел один к фабриканту.

Фабрикант и пана, и попа, и купца богаче. Начал

старший брат работать у него. А на фабрике много людей работает.

Работали они много лет. Горбы наживали, а правды не видали.

Раз услышал брат такую беседу:

— Есть только один человек, который правду знает. Зовут этого человека Ленин, а живет он в Питере.

Запомнил брат имя и пошел искать этого человека.

Шел много дней, а может быть, и месяцев. Пришел в Питер. Видит: идет рабочий. Он его спросил тихонько:

— Где здесь Ленина найти?

А тот ему еще тише:

— Пойдем за мной, я тебя доведу.

Вот пришли они в обыкновенную комнату. Кругом разных книг много. Вышел к ним человек, одет небогато, но чисто. Вышел и ласково говорит:

— Здравствуйте, товарищи, что скажете хорошего?

Рассказал ему брат, как он правду искал. Долго с ними говорил Ленин о порядках на фабрике, о деревенской бедноте расспрашивал, а потом сказал:

— Правильно ты сделал, что на фабрику пошел правду искать, — там скорее узнаешь, где она есть. Вы ее в руках своих держите.

И рассказал Ленин, как надо за рабочую правду бороться, чтобы не служить ни панам, ни купцам, ни фабрикантам, и как выгнать их вместе с царем.

Вернулся брат на фабрику и начал товарищам ленинскую правду рассказывать. Один рассказывает — десять слушают, десять рассказывают — сто слушают. И пошла ленинская правда по всему свету.

Много лет ходила она по фабрикам и деревням. Поднимала рабочих и крестьян на борьбу. А в октябре семнадцатого года объявилась эта правда, заговорила громким голосом, на весь мир загудела. Пошли рабочие

и крестьяне войной на помещиков и фабрикантов. А повел их сам Ленин. И взяла верх ленинская правда.

С тех пор рабочие и крестьяне не работают больше на панов и фабрикантов, горбов не наживают, землю слезами не поливают, — сами хозяева своих фабрик, своей земли и жизни своей.

ТУРКМЕНСКИЕ СКАЗКИ

КАК ПОПАСТЬ В РАЙ

дин ишан говорил народу:

— Друзья мои, разве вы не знаете, как трудно попасть в рай? Жертвуйте больше денег на дела божьи, и вы все попадете в рай.

— Чтобы попасть в рай,— продолжал ишан,— нужно перед судилищем аллаха и перед лицом Мухаммеда пройти по такому узкому мосту, который узок, как кинжал, и тонок, как волос. Только безгрешный человек сможет пройти по этому мосту, а грешный свалится и упадет прямо в огонь ада. Жертвуйте мне, о колхозники, я помолюсь аллаху, и вы пройдете по тому мосту прямо в рай и не упадете в огонь!

Один из дехкан сказал:

«Ишан-ага ¹, когда ты подохнешь, тогда и ходи по тому мосту, о котором ты говорил. Я думаю, что ты первый свалишься с него за свою брехню. А мы будем ходить по земле, будем честным трудом зарабатывать себе хлеб, а рай и ад пусть будут для тебя. На земле ад бывает, когда много ишанов, ханов, баев и духовенства; на земле рай бывает, когда на земле нет ишанов, ханов, баев и духовенства».

¹ Ага — господин.

КАК АЛТЫ-БЕРДЫ ПОКУПАЛ В БУХАРЕ НАМАЗЫ¹

авно было дело. Когда еще не все туркмены были мусульманами. Один из них, по имени Алты-Берды, приехал на ишаке в Бухару на базар. В первой попавшейся чайхане он попросил чаю и чуреки.

Хозяин чайханы сказал, что днём он не продает чаю и чуреки, потому что теперь ураза². Алты-Берды не знал, что такое ураза. Поехал к другой чайхане, там тоже попросил чаю и чуреки. И в другой чайхане ему ответили тоже: «Ураза».

И так Алты-Берды объехал несколько чайхан, и всюду ему говорят: «Ураза, ураза».

Алты-Берды рассердился и спрашивает первого попавшегося ему муллу:

— Скажи, йолдаш³, что это за ураза, что это за намазы, про которые мне во всех чайханах повторяют, а никто не показал мне уразу и намазы?

Мулла, будучи человеком жадным и видя, что Алты-

¹ Намаз — молитва.

² Ураза — пост.

³ Йолдаш — товарищ.

Берды не знает об уразе и о намазах, начал ему подробно рассказывать, что такое уразы и намазы.

Рассказал о том, что человек, соблюдающий уразу и совершающий намазы, попадает прямо в рай к пророку Мухаммеду и аллаху, где много меда, хлеба и женщин и где, ничего не деля, можно хорошо жить и посты не соблюдать.

Туркмен, услышав хорошие обещания, попросил муллу продать ему несколько намазов и уразы.

Мулла, конечно, человек жадный на деньги, видя, что туркмен не понял его рассказов о намазах и уразе, сказал Алты-Берды:

— Намазы я тебе продам, только они дорого стоят. Для того чтобы весь твой аул попал в рай, тебе нужно намазов купить на двести теньге¹.

Долго Алты-Берды торговался с муллою, наконец, договорились. Мулла обещал за сто пятьдесят теньге дать столько намазов, что их хватит на весь аул.

Сторговавшись, условились, где можно получить намазы. Придя домой, мулла приготовил пустую тыкву, посадил в нее около ста штук ос и пришедшему к нему на другой день Алты-Берды объяснил так:

— Когда придешь в свой аул, то выбери просторную кибитку и собери в нее мужчин со всего аула, пусть они войдут в кибитку нагими. А когда все войдут, войди и ты с тыквой, разбей ее об землю, и все вы получите по одному намазу и по одной уразе. Для того чтобы те, кто не пожелает получить намазы, не убежали, поставь в дверях караул, который всех нежелающих попасть в рай загонял бы обратно, а в крайнем случае и бил бы палкой.

Алты-Берды всё выслушал со вниманием и сказал, что он поступит так, как сказал мулла.

¹ Теньге — серебряная монета 15—17-копеечного достоинства.

Уезжая от муллы, он спросил:

— А почему намазы жужжат в тыкве?

Мулла сказал, что он в эту тыкву посадил большие и маленькие намазы и что большие обучают маленьких, а пока Алты-Берды доедет до аула, то все маленькие и глупенькие намазы станут тоже большими и смышленными, что будет на пользу людям.

Алты-Берды, приехав на своем ишаке в аул, тут же начал созывать всех в кибитку за получением намазов.

Узнав, что рассказал ему мулла, люди, конечно, исполнили все требования.

Одних только женщин да детей не пригласили получать намазы.

Алты-Берды, не дождавшись пока все войдут в кибитку, поторопился сам войти. Когда он входил, за ним вслед бросились несколько человек — как бы не остаться, не получишь намаза! Столпились в дверях; толкнули нечаянно Алты-Берды. Из его рук вылетела тыква, и осы, освободившись от заключения, злобно набросились на нагих людей.

Люди начали хлопать себя кто по шее, кто по животу. В темноте и тесноте били не только по собственному телу, но задевали и других по затылкам.

Произошла большая свалка, что делалось — все дрались, кричали, никто ничего не мог понять! Некоторые пытались выбежать из кибитки, но предупрежденный караул строго исполнял свои обязанности, никого не выпускал на волю.

В конце концов осы добрались и до караула. Начали кусать и караульщиков.

Тогда они побросали палки, стали обороняться от ос, покинув свои посты. За ними выбежали все остальные и бежали от злых намазов, куда глаза глядят. Некоторые ушли далеко, в пески, сильно страдали там от жары и безводья.

Жены и дети со слезами бросались в пески разыскивать своих мужей и отцов.

Они спрашивали встречных, не видали ли они их родных.

— Одного намаз погнал в сторону Хивы, а другому два намаза впились в голову и потащили его в сторону Ирана — по-видимому, ближе к раю, — отвечали встречные.

Алты-Берды, поняв, что мулла обманул его, решил вернуться в Бухару, разыскать муллу и отомстить ему.

Продавая намазы, мулла пояснил, что дает их сам аллах и его пророк Мухаммед.

Алты-Берды заехал в Бухару и начал кричать, что есть мочи: кто приведет ему аллаха и пророка, тому он заплатит пятьдесят теньге.

Продававший намазы мулла, подойдя к Алты-Берды, сказал ему, что он, мулла, покажет за сто теньге и аллаха и пророка. Мулла был жаден на деньги!

Алты-Берды не узнал, что это был тот самый мулла, который продал ему намазы.

Он начал торговаться и сторговался за семьдесят пять теньге.

Когда сторговались, мулла сказал, чтобы на другой день рано утром Алты-Берды вышел за город к одной старой развалившейся кале¹, где его будут ожидать и аллах и пророк. Сказав так, он дал Алты-Берды провожатого.

Алты-Берды утром подошел с провожатым к крепости и видит: на развалинах сидят два человека, один выше, в большой чалме, а один пониже — в маленькой.

Мулла сказал: сидящий выше — это и есть аллах, а ниже — пророк. Сказав так, он отошел от Алты-Берды и стал из-за угла наблюдать за ним.

¹ Кала — крепость.

На развалинах крепости сидели мулла, продававший намазы вчера, а другой был его товарищ.

Алты-Берды, подойдя к кале, спросил сидящего выше:

— Ты ли есть аллах?

Последний кивнул головой утвердительно.

— Ты ли пророк? — спросил ниже сидящего.

Тот тоже кивнул головой.

Алты-Берды, поклонившись им, спросил:

— Скажи, аллах, правда ли, что у тебя много намазов и кто их покупает, тот попадает в рай?

Аллах кивнул головой утвердительно, а пророк сказал:

— Непременно.

Алты-Берды спрашивает дальше:

— О великий аллах! Не ты ли посылаешь болезни и смерть тем, кто тебе не нравится?

Аллах кивнул головой утвердительно, а пророк повторил:

— Непременно.

— Не ты ли, великий аллах,— спрашивает Алты-Берды,— убиваешь скот, губишь посевы и шлешь жару на землю?

Аллах кивнул утвердительно, а пророк повторил:

— Непременно.

Наконец, Алты-Берды спросил:

— Не ты ли, аллах, виновен в том, что недавно у меня умерли два любимых сына, жена и отец?

Аллах кивнул головой утвердительно, а пророк подтвердил.

После этого Алты-Берды, обнажив шашку, приблизился к аллаху и пророку со словами:

— О, как я счастлив,— наконец, я разыскал своих противников и буду мстить им!

И он снял головы с них обоих.

Мулла, наблюдавший за Алты-Берды и видевший всё это, побежал к эмиру и заявил, что в Бухару из песков

пришел туркмен, который убивает эмирских мулл. Эмир разгневался и приказал привести к нему Алты-Берды.

Эмир спросил Алты-Берды:

— Зачем ты убиваешь эмирских мулл?

Алты-Берды ответил:

— О эмир, ни одного муллы я в твоём эмирате не убивал, а убил я тех, которых и ты, эмир, не пощадил бы! Я избавил не только себя, но и тебя, эмир, и весь твой народ от всех бед и несчастий. Твои дети и жены будут теперь жить вечно. Скот никогда не подохнет, урожай на полях будет хороший ежегодно.

Эмир не понял, о чём говорил Алты-Берды, и попросил его рассказать об всём, что было, с начала до конца.

Выслушав Алты-Берды, эмир приказал своим муллам не шутить больше с туркменами. Он боялся, как бы и ему, эмиру, туркмены в шутку не отрубили голову! Говорят же туркмены: «Мы ради шутки пырнули ножом одного хана, а он принял это всерьёз и сдох».

СЛУЧАЙ С ИШАНОМ ¹

нна-Дурды-ишан слышал, что мать одного из учеников его медресе ² очень красивая женщина.

Красота этой женщины не давала покоя ишану, и он захотел видеть ее на своей постели.

Анна-Дурды начал хитрить.

При каждом утреннем приветствии он говорил своему ученику: «Здравствуй, сын красивой матери», надеясь, что мальчик скажет об этом своей матери и та заинтересуется ишаном.

Ученику это приветствие не нравилось. Он считал его позорным как для себя, так и для своей матери.

Ишан в десятый раз повторил свое обычное приветствие.

— Здравствуй, сын красивой матери, — сказал он в присутствии многих учеников медресе, и они начали насмехаться, говоря: «Наш ишан влюблен в твою мать».

Насмешки товарищей, обида за свою мать сильно расстроили мальчика, и он возвратился домой грустный.

Мать обратила на это внимание и спросила:

¹ Ишан — духовный чин.

² Медресе — высшее мусульманское духовное учебное заведение.

— Сынок, отчего ты такой печальный? Или недоволен чем?

Сын рассказал матери о словах ишана.

— Не печалься, сын мой, — ответила мать, — я не позволю ишану говорить тебе глупости и сделаю так, что он перестанет брехать, как пес.

На следующее утро женщина, провожая своего сына в медресе, сказала:

— Если ишан будет тебя приветствовать по-прежнему, ты ему передай, что я жду его сегодня вечером в своей кибитке.

Мальчик не совсем был доволен словами матери, но всё же передал их ишану. Получив приглашение, ишан очутился на седьмом небе от радости. День ему казался очень длинным. Ему хотелось поскорее встретиться с красавицей.

Наконец, наступил вечер. Ишан оделся в новые одежды и пошел к ней в гости.

Придя в кибитку, он застал мать своего ученика одну. После положенных приветствий ишан спросил:

— А где же твой муж?

Женщина ответила:

— Муж мой уже третий день как уехал на мельницу и не возвращается, — и со слезами добавила: — Уж не случилось ли с ним какое несчастье?

Ишан подумал: «Мне улыбнулось счастье, и мы приятно проведем ночь с этой милой гурией». Подумав так, ишан сказал:

— Не беспокойся за своего мужа. Аллах велик и многомилостив.

Ишан повел разговор дальше:

— Ты такой прекрасный цветок рая, ты могла бы понравиться самому Мухаммеду. Мы с тобой одни, а ты, гурия мухаммедова рая! Подари мне блаженство и вос-

пользуйся сама райскими утехами любви. Дорогая моя, я сгораю от любви! О, моя возлюбленная! Открой мне твой сад!

Не успел ишан окончить свои любовные речи, как вблизи кибитки раздался голос мужа красавицы, останавливающего верблюда.

Женщина сказала с усмешкой:

— Оставь свои любезности, слышишь голос моего мужа.

Ишан растерялся и не знал, что ему делать.

Тогда женщина сказала:

— Эй, ты, ишан, набрось на свою голову мой халат, присаживайся к ручной мельнице, повернись лицом к стене и работай.

Ишану ничего не оставалось, как повиноваться. Набросив на голову женский халат, он сел за мельницу и начал молотить пшеницу.

Только что успел ишан сесть за мельницу, в кибитку вошел муж.

Увидев постороннего, он спросил жену:

— А это что за женщина?

— Да это наша соседка, она весь день была занята, а вечером, вот, попросилась помолоть пшеницу.

Муж сказал:

— Хорошо, я голоден, дай мне поесть.

Женщина приготовила шурпу¹, чай. Муж ел и пил чай, а ишан, обливаясь с непривычки потом, крутил да крутил мельницу.

Вертя мельницу, он проклинал аллаха и пророка за свою неудачу. «О, пайгамбар! — думал ишан, — я, уважаемый самим эмиром, сижу в бабьем халате! Позор мне! О, пайгамбар! И для какой-то паршивой женщины я перемолот уже около трех пудов пшеницы! О великий

¹ Шурпа — суп.

аллах! Пошли свою милость ко мне; пусть поскорее окончится это мученье!».

Муж и жена тем временем занялись разговорами о том да о сем. Воспользовавшись удобным моментом, ишан выскочил из кибитки, сбросил халат и побежал, что было духу.

Увидев бегущего человека, набросилась на него свора собак. Палки у ишана не было, и собаки сильно покусали его.

Увидев наставника в растрепанном виде, мюриды¹ спросили своего ишана:

— Что случилось?

Анна-Дурды-ишан сказал:

— Я ходил молиться к аллаху и эвлия². Помолившись аллаху, я пошел домой, а по дороге шайтан напустил на меня дивов³, которые схватили меня за ноги и хотели тащить к шайтану. Великий аллах смилостивился и послал собак на дивов. Хвала аллаху за мое освобождение! — подняв руки к небу, молвил ишан.

Мюриды сделали вид, что поверили словам учителя, но между собой заговорили:

— Наш ишан врет, как кессе⁴, и глаз не закрывает!

При первой же встрече со своим учеником вместо приветствия ишан заорал:

— Здравствуй, сын противной матери!

Ученики пуще прежнего стали смеяться над ишаном.

¹ Мюрид — странствующий монах, поклонник какого-либо ишана.

² Эвлия — святой.

³ Див — по-туркменским поверьям, мощный дух. В одних случаях помогает, в других вредит.

⁴ Кессе — безбородый. У туркмен кессе — врун, обманщик.

АРМЯНСКИЕ СКАЗКИ

ВДОВА И КОРОВА

У одной вдовы была корова. У пасынка был осел. Пасынок крал корм у коровы и давал ослу. Вдова молила бога, чтобы он убил осли. Но сдохла корова.

Женщина плакала и приговаривала:

— Горе мне! Господи, неужели ты не смог отличить осли от коровы?

БЕДНЯК И ЕВАНГЕЛИЕ

Некий бедняк, проходя через одно село, зашел в церковь. Церковь была ветхая, и своды ее протекали.

Бедняк промок под дождем до нитки, был голоден, утомлен дорогой и дрожал под своими лохмотьями.

В церковь вошел священник и начал службу. Взял евангелие и прочел одну главу, в которой говорилось:

«И был я на чужбине, и вы приютили меня, был наг, и вы одели меня, алкал, и вы накормили меня, жаждал, и вы напоили меня».

Услышав эти слова, бедняк обрадовался.

«Это обо мне сказано, — подумал он, — сейчас всё это исполнится на мне».

Кончив службу, священник ушел домой, оставив бедняка в церкви и даже не обратив на него никакого внимания.

Бедняк сказал:

Лжет та книга, которую он читал!

И взял евангелие, привязал к нему камень и бросил в воду.

Придя в церковь и не найдя евангелия, священник обратился к бедняку и спросил:

— Где евангелие?

Бедняк ответил:

— На что тебе лживое евангелие? Я кинул его в воду.

Священник, разгневавшись, стал избивать бедняка. Бедняк сказал:

— О негодный, почему ты бьешь меня? Если ты веришь, что евангелие действительно слово божие, то почему не выполняешь его веления? Ибо я — на чужбине, а вы не приютили меня, наг я, а вы не одеваете меня, алчу я, и не кормите меня, жажду, и не подаете мне воды?

АБХАЗСКИЕ СКАЗКИ

ЖАДНЫЙ МУЛЛА

Когда Сухум еще принадлежал туркам, туда часто ездили абадзехи за покупками. Поехали однажды туда абадзехский мулла и абадзехский лекарь. Дорогой они подружились так, что решили всё делить пополам: и горести и радости, и барыши и убытки. Зашли они на ночлег в аул Кбааде, радушно их приняли хозяева; наелись они курятины, напились бузы, выпались хорошо. Хозяйка им в сумку положила курицу, три сдобных лепешки и несколько кусков баранины. Идут они вдоль берега реки Мзымты, любят природой.

Говорит лекарь мулле:

— Посмотри, какая местность, какая вода, — вот нарзанный источник! Давай отдохнем.

— Хорошо, — сказал мулла.

— Ну, если так, ты посиди, а я поищу черешен: здесь, я знаю, был когда-то древний аул. Вот нам и закуска будет.

Когда лекарь удалился, мулла подумал: «У нас три лепешки, — довольно с него будет и одной, съем-ка я одну». Так он и сделал.

Вернулся лекарь, видит — осталось всего две лепешки. Высыпал из полы целую горку крупных, спелых чешуек и спрашивает:

— А где же третья?

— Какая третья? — сказал мулла. — Было всего две.

— Нет, три; я хорошо видел.

— Не знаю, куда девалась третья. По-моему, две было.

— Ну, две, так две, — вздохнув, сказал лекарь и сел закусывать.

Пришли они, наконец, в Сухум и там каждый из них занялся своим делом. Мулле не повезло, а лекарю удалось вылечить от злой сухумской лихорадки сына сухумского паши, и тот отсыпал ему много денег, золотых и серебряных. На обратном пути в Абадзехию лекарь с муллой снова встретились. Опять они пошли вместе. Мулла охает, а лекарь распевает песни.

— Что это у тебя в сумке? — спрашивает мулла.

— Мой заработок — деньги: червонцы и серебряные туманы¹.

Подошли они опять к тому источнику, где у них произошёл спор. И говорит лекарь мулле после того, как они закусили:

— Вот что, дорогой мулла, сумка моя тяжела. Хочу половину тебе передать. Ведь мы обещали делить всё поровну, вот я и хочу сдержать свое слово.

Высыпал он все деньги на разостланную бурку и стал делить.

— Вот это тебе, это — мне, а это — тому, кто съел третью лепешку.

Так, считая, разделил все деньги. Стало досадно мулле, что третья кучка не ему досталась.

¹ Туман — персидская монета, равная приблизительно двум рублям.

— Эта кучка тоже моя, — говорит он, — даю тебе слово, что третью лепешку я съел.

— Я знал, что муллы жадны, но такого жадного, как ты, еще никогда не видал, — сказал лекарь, собрал все три кучки и вновь сыпал их в свою сумку.

ЕПИСКОП И ПАСТУХ

В Пицунду приехал епископ на богослужение в древнем храме. Народу собралось много. В это время мимо церкви пастух гнал свое стадо. Видит — народу полным-полно. Взяло пастуха любопытство, и он вошел в церковь.

Ободранный и босой, с топориком за плечами, пастух почтительно стоял в углу, не сводя глаз с бородатого епископа. А епископ в это время произносил длинную проповедь.

И вдруг пастух прослезился. Епископ прервал проповедь и спросил его, о чем он плачет. Пастух ничего не ответил, только пуше заплакал. Очень растрогался епископ живым воздействием своей проповеди и хотел, чтобы пастух сам сказал народу об этом. Прихожане окружили пастуха. Все ждали его ответа.

Тогда пастух сказал:

— Недавно волки растерзали моего козла. Бедняжка! У него борода была в точности такая, как у тебя.

КАЗАХСКИЕ СКАЗКИ

СВЯТОЙ ОСЕЛ

Пришел однажды в город старый-престарый казах с мешком костей за спиной. Он расспрашивал встречных, где находится склад утильконторы. Добрался, наконец, казах до склада и вывалил на весы груды костей. Посмотрел на них весовщик и говорит:

— Забирай, старик, свой товар. Этим костям, должно быть, уже не одна сотня лет, погнили они и для нас не подходят.

Пригорюнился старик, но делать нечего — стал собирать кости обратно в мешок, да и говорит:

— Дай рубль, дорогой начальник, а я расскажу тебе, чьи это кости. Дай рубль, не пожалеешь, рассказом моим останешься доволен.

Жаль стало весовщику старика, что зря тащил он негодные кости, и дал весовщик ему рубль серебряной монетой, хотя и не надеялся услышать что-нибудь интересное.

А старик рассказал:

«Давным-давно у переправы через реку Чу была могила святого, к гробнице которого стекалось много богомольцев. Именем святого лечил, гадал и предсказывал

судьбу старый дервиш. Подаяния были щедры, и дервишу, и мне, его ученику, жилось хорошо. Так прожил я у него несколько лет и решил совершить путешествие в святую Мекку. И сказал я своему учителю:

— Учитель, благослови меня, хочу идти я в святые места. Благословил меня дервиш, а чтобы не утомился я от пешего хождения, подарил он мне своего единственного осла. Так я отправился в свое путешествие.

На седьмой день пути, ровно в полдень, споткнулся мой осел, упал да и сдох. Стар уж он был и не вынес изнурительного пути. Сел я около него и стал плакать, так как страшили меня лишения и тяготы длительного путешествия. Вдруг я заметил, что по дороге в мою сторону едут всадники. Испугавшись, что меня могут обвинить в том, что я безжалостным обращением довел своего осла до смерти, я быстро оттащил его в сторону и набросал на него груды камней.

Когда поравнялись всадники с ослиной могилой и увидели мой дервишский костюм, они спросили меня о причине слез.

— Вдвоем с моим лучшим другом, — отвечал я им, — я направлялся в город пророка. Друг мой умер вот здесь, и я теперь горько плачу над его могилой.

— Видно, праведной жизни был твой друг, если ты так сильно горюешь, — и, бросив несколько золотых монет, всадники уехали.

Не успел я как следует отдохнуть и собраться с мыслями, как увидел, что ко мне приближается большая толпа. Это были жители соседнего города. Оказывается, проехавшие мимо меня всадники рассказали в городе о том, что поблизости умер и похоронен святой. Вот жители и пришли просить меня остаться жить на могиле своего друга, за что они меня щедро вознаградят. Оказывается, в этом городе до сего времени не было ни одной святой могилы.

Я подумал немного и решил, что прах старого осла мне может пригодиться и что глупо было бы отказываться от счастья, которое само шло мне в руки. И я согласился.

Слава о моем святом быстро росла. Число паломников увеличивалось с каждым днем. Приношения были обильны и богаты.

Прошло несколько лет, как вдруг однажды утром ко мне вошел мой старый учитель.

— Слава о твоём святом докатилась до меня, и я решил поклониться его праху с просьбой, чтобы он замолил мои грехи перед богом. Но скажи мне, кто твой святой и как ты очутился здесь?

И я рассказал своему учителю всю правду. Я думал, что он очень рассердится, но дервиш стал громко смеяться, похлопывая меня по плечу.

Тут я решил задать ему вопрос, чего никогда не осмеливался раньше. Я спросил его:

— Скажи, учитель, а кто был тот святой, на могиле которого живешь ты?

— Это была мать твоего святого,— отвечал мой учитель со смехом».

ДАГЕСТАНСКИЕ СКАЗКИ

КАК МУЛЛА НАСРЕДДИН ВЫШЕЛ ИЗ БЕДСТВЕННОГО ПОЛОЖЕНИЯ

Черные дни наступили для муллы Насреддина¹: жен нет, мечети закрыты, на похороны больше не зовут,— с каждым днем становится всё туже и туже. Из всего имущества остался один коран.

— Что же, коли нечего больше продать, продам коран,— решил мулла Насреддин.

Положил коран в хурджин и отправился в путь. Сколько он ни ходил из аула в аул, так и не нашел покупателя.

Давно уже из папахи вылезла шерсть, бешмет изорвался в клочья, а сколько чарыков износилось — он и счет потерял! И вот однажды он встретил на дороге старого кунака по имени Батырхан.

— Салям алейкум, мулла Насреддин!

— Алейкум салям, Батырхан!

— Здоровье как? Что делаешь?— спросил Батырхан.

— Э, плохо! Три года ишу верующего человека, что-

¹ Насреддин — популярный у ряда восточных народов герой народных сказок и анекдотов. Мулла в данном случае означает «грамотный человек».

бы продать коран, и не нахожу. Скажи мне, есть ли еще верующие люди в Дагестане?

— Пожалуй, ты один...

— А толкуют, будто я безбожник! — вскричал мулла Насреддин. — Видишь, какую тяжелую работу я взял на себя?

ПУТЕШЕСТВИЕ В КАВКАЗСКУЮ МЕККУ

Мулла Насреддин после долгих скитаний по горам Аравии решил отправиться в кавказскую Мекку — в Дербент, город, издавна славящийся своими древними мечетями.

Пришел мулла Насреддин на двор Джума-мечети¹ и удивился: такая чистота вокруг, двор хорошо подметен, все стены мутаалимских келий² выбелены, святые надписи на дверях позолочены, большой купол недавно выкрашен зеленой краской. «Вот где люди по-настоящему умеют чтить пророка и его святыни! — возрадовался мулла Насреддин, осматривая Джума-мечеть. — Даже такой безбожник, как я, и тот проникнется святостью духа этого места. Но только почему мулла не зовет верующих к молитве, когда время для молитвы уже настало? — подумал мулла Насреддин, взглянув на небо. — Верно, мулла заболел. Заменяю-ка я его!».

— Алла!.. Алла! — начал было в голос звать мулла

¹ Джума-мечеть — большая мечеть.

² Мутаалимские кельи — кельи послушников.

Насреддин, как тут же, откуда ни возьмись, появились люди, стащили его с крыши и начали бить.

— Ты что, не знаешь, так в музей не созывают народ!

— Отпустите, добрые люди! — взмолился мулла Насреддин. — Впредь буду умнее.

Поплелся мулла Насреддин дальше и вдруг слышит:

— Алла! Алла!

«Вот когда я могу расквитаться!» — подумал он, топаясь первым подняться на минарет.

— Разве так созывают в музей? — обратился он к человеку, который кричал, и принялся бить его вдвое сильнее, чем били его самого. На крики избиваемого сбежались старики.

— Ты что не даешь созывать верующих на молитву? Вот мы сейчас с тобой расправимся! — кричали они.

— Да это же никак мулла Насреддин! — узнал его первый из поднявшихся на минарет.

— Известный безбожник! Бейте его, правоверные!..

Стащили муллу Насреддина с минарета и стали жестоко избивать.

— Простите, добрые люди! — взмолился мулла Насреддин. — Буду славить аллаха всюду, где можно!

Старики сжалились над муллой Насреддином и отпустили его.

Еле волоча ноги, мулла Насреддин поплелся на другой конец города. «Ну, теперь-то я буду осторожнее, — решил мулла Насреддин, — теперь, прежде чем призвать верующих на молитву, буду сам заглядывать в мечеть...».

И когда увидел мечеть, так и сделал. Осторожно подошел к ней и, прежде чем войти, приложил ухо к двери. В мечети было тихо, лишь одинокий хриплый голос еле слышно повторял: «Алла! Алла!» Не веря своим ушам, мулла Насреддин приоткрыл дверь. Мечеть пустовала. «Верно мулла плохо созывал верующих, что мечеть пуста,

когда идет служба,— подумал он. — Вот когда я смогу искупить свою вину перед аллахом и верующими людьми!».

Радуюсь своему счастью, он поторопился подняться на минарет. «Здесь музея никак не может быть,— поднимаясь по ступенькам лестницы, рассуждал он, — и не может один человек, без джамаата¹, разговаривать сам с собой».

— Алла! Алла! — громко закричал мулла Насреддин.

Тут же на его голос со всех сторон сбежались люди.

— Вай, что ты там кричишь? — закричали они ему снизу,— сходи сейчас же.

Голоса кричавших людей были так грозны, что мулла Насреддин не замедлил сойти вниз. Лишь только он очутился внизу, как на него набросились и жестоко избили. Мулла Насреддин уже не решился спросить, за что его бьют, лишь умолял:

— Отпустите, добрые люди, больше «Алла, алла» кричать не буду и другим не позволю!

— Ах, так, хорошо, иди, — ответили ему люди.

— Ну, теперь, если услышу только «Алла, алла», буду бить сам, — решил мулла Насреддин.

Не успел он сделать и несколько шагов, как услышал крик с балкона.

— Алла! Алла!

Не раздумывая, схватил мулла Насреддин большой камень и бросил его в ту сторону, откуда слышался голос. Опять сбежались люди. На этот раз муллу Насреддина повели в милицию. Там один из приведших людей, показывая на него рукой, сказал:

— Вот этот гражданин, лишь только из моего репродуктора это слышалось: «Алло, алло», схватил камень и бросил его прямо в репродуктор.

¹ Джамаат — собрание.

— Ваша фамилия? — спросил начальник.

Мулла Насреддин так перепугался, что забыл свое имя.

— Да это же мулла Насреддин! — закричал стоявший в толпе старик. — Известный чудака!

И его отпустили с миром.

О НЕСЧАСТИИ, ОКОНЧИВШЕМСЯ БЛАГОПОЛУЧНО

Мулла Насреддин, торопясь засветло попасть в аул, оступился и упал в пропасть. Придя в себя, начал громко звать на помощь:

Спасите! Спасите, добрые люди!

Вверху по дороге проходил аульный мулла.

— Кто там кричит? — наклонясь над пропастью, спросил он.

— Это я, мулла Насреддин!

— Аллах тебе поможет! — сказал мулла и пошел дальше.

Мулла Насреддин принялся звать на помощь аллаха.

По дороге проходил колхозник. Услышав крик, он поспешил на помощь. Когда мулла Насреддин узнал, кто был его спаситель, он воскликнул:

— Я же аллаха звал к себе на помощь!

— Ты бы его никогда не дождался, потому я и решил тебя спасти, — ответил колхозник.

СОДЕРЖАНИЕ

Стр.

Антирелигиозные мотивы народной поэзии 3

ДОРЕВОЛЮЦИОННЫЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Русские сказки

Спор черта с богом	27
Не сговорились	29
Как поп работницу нанимал	30
Похороны козла	32
Как дьякон мир сотворил	35
Заврался	36
С того света	38
Никола за Егория	40
Претвори, господи!	41
Поп, работник и собака	42
Путаник	44
Жадный поп	45
Добрый поп	47
Ранняя обедня	49
Поп Пахом	50
Солдат-псаломщик	52
Солдатское «Отче-наш»	56

Украинские сказки

Кармелюк и жестокий помещик	60
Про бога и святого Иосифа	62

	Стр.
Ткач в аду	63
Иван и поп	64
Святые помогли	68
Что купила?	69
Образ и табак	70
Две исповеди	71
Кому помогло	73
Перехитрил	74
Тягло	75
Хороший ответ	76
Душа	77
Привычка	78
«Очищение» души	79
Ксендз в воловьей шкуре	81

Белорусские сказки

Святой дух	83
Хитрый поп	85
Святая книжка	86

Туркменские сказки

Кеминэ и мулла Пир	87
О навозном жуке	89
Дорога в рай	90
Мулла-ишан	92
Ишан и кобыла	93
Кто главные черти	94
Я бы такого учителя убил	95

Азербайджанские сказки

Мулла и дехканин	97
----------------------------	----

Таджикские сказки

Сказка о хаджи Тильки и правоверных пилигримах	99
О благочестивом арабе и его петухе	103
Мушфики и больной имам	105
Шашлык по поводу светопреставления	107
Дары падшаха и бога	108
Халат, угощаемый пловом	111

Узбекские сказки		Стр.
Старичок и мулла		113
Чудотворец		114
Не говори «дай»		116
Как муллы гуся варили		117
Барашек муллы		119

Грузинские сказки

Бедняк и святой	120
Этакое и хуже этакое	123

Дагестанские сказки

Мулла и обманщики	127
-----------------------------	-----

Сказки Коми

Рано проснулся	129
--------------------------	-----

Чувашские сказки

Кто всех дороже чувашу	131
----------------------------------	-----

Еврейские сказки

Раввин и корова	132
Два магида	133
Чугунка	136
Кантор на молитве	138

СОВРЕМЕННЫЕ НАРОДНЫЕ СКАЗКИ

Русские сказки

Ленинская правда	141
Проповедь попа Сиволдая	145
Брюхатый поп	146
Церковная служба	149
Поп и работник	150
Кот Дорофей	155
На «исправлении»	157
Как попы купались	159
Как чистота красоту понесла на высоту	161
Про дьякона	164

	Украинские сказки	Стр.
«Милосердная» барыня		165
Панская чупрына		167
Ворожея		168
Богомольная Хроська		170
	Белорусские сказки	
Ленинская правда		172
	Туркменские сказки	
Как попасть в рай		176
Как Алты-Берды покупал в Бухаре намазы		177
Случай с ишаном		183
	Армянские сказки	
Вдова и корова		187
Бедняк и евангелие		188
	Абхазские сказки	
Жадный мулла		190
Епископ и пастух		193
	Казахские сказки	
Святой осел		194
	Дагестанские сказки	
Как мулла Насреддин вышел из бедственного положения		197
Путешествие в кавказскую Мекку		199
О несчастья, окончившемся благополучно		203

К ЧИТАТЕЛЯМ

*Харьковское книжное издательство
просит присылать отзывы об этой книге
по адресу: Харьков, ул. Дзержинского, 3.*

Редактор Г. И. Колодяжная
Художественный редактор В. К. Уманец
Технический редактор М. И. Лиманова
Корректор Э. Я. Хазин

Подписано с матриц к печати 12/VII-59 г. Бумага 70 x 108^{1/2}₃₂. Бум. лист. 3.25.
Печ. лист. 6.5 Усл.-печ. лист. 8.9. Уч.-изд. лист. 6.5. Изд. № 123. БЦ 12313.
Тираж 31500 (11—15000). Зак. № 4-1029. Цена 3 руб.

Харьковская областная типография Облиздата, Харьков, Сумская ул., 13.

3 руб.

ХАРЬКОВСКОЕ НИЖНЕЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО